

Маг в отпуске

Сергей Тенев

Сергей Тенев

Маг в отпуске

«Автор»

2026

Тенев С.

Маг в отпуске / С. Тенев — «Автор», 2026

Что нужно магу самой сильной Гильдии для идеального отдыха? Уютный Мерцающий Лес и пространственный карман с холстом, гитарой и кучей сладостей. Салкрит почти поверил, что его отпуск пройдет безупречно, пока не решил позвать свою боевую подругу присоединиться. Оказалось, что научить воительницу расслабляться куда сложнее, чем победить армию демонов...

© Тенев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Маг в отпуске

Глава 1

Портал открылся с высоким вибрирующим звуком, напоминающим жужжание рассерженного шмеля. Я с ленцой вышел из него, осматриваясь по сторонам с легкой улыбкой. Так начался мой отпуск на планете Альгама.

Я глубоко вздохнул. Голова все еще чуть кружилась после перехода. Видимо, туннель пролегал через эфирный шторм, а я забыл посмотреть космическую погоду.

Ну, миленько. Улица широкая, мощеная. Над головой, как и было обещано в туристическом проспекте, висели две луны: одна серая, вторая — какая-то синюшная, для атмосферы. В воздухе приятно пахло... шашлыком? Точно, шашлыком. И чем-то цветочным. Желудок тут же предательски заныл. Отлично. Пять минут на новой планете, а я уже думаю о еде.

На удивление, на меня почти не обратили внимания. Жаль. Я хотел произвести фурор. Специально ведь подбирал наряд побогаче, чтобы соответствовать статусу! Мой выбор пал на длинный камзол из плотного, тяжелого бархата глубокого пурпурного цвета. Золотая вышивка сложными растительными узорами богато украшала лацканы, подол и широкие манжеты. Из-под воротника выглядывала кипенно-белая рубашка, а в левом ухе покачивалась длинная серебряная серьга. Завершали комплект темные брюки, заправленные в высокие коричневые сапоги из добротной кожи с отворотами.

Нет, на меня, конечно, бросали взгляды, но скорее как на богатого вельможу, а не на мага. Дилетанты. Не ходить же мне с посохом или скипетром в отпуске! Да и не очень люблю я подобные артефакты. Сразу вспоминаются слова учителей: «Настоящий маг должен носить только те артефакты, которые может изготовить сам!» Ну, не умел я в артефакторику, что сказать.

Идя на этот дьявольски заманчивый запах, я осматривал город. Да, прямо как на трехмерной афише. Необычно. Не зря выбрал это место как отправную точку. Архитектура сочетала в себе изящные башни, устремленные ввысь, как у эльфов, и крепкие, основательные каменные строения, напоминающие работы dwarфов. Вот только смешаны они были абсолютно хаотично. Неясно: то ли изначально тут жили dwarфы, а потом пришли эльфы и начали перестройку, то ли наоборот.

Все вопросы отпали, когда я заметил один архитектурный ансамбль. Силуэт на фоне луны вырисовывался совершенно недвусмысленный: изящная эльфийская башня, устремленная в небо, была... кхм... «дополнена» двумя приземистыми, идеально круглыми куполами у самого основания. Очевидно, пришли dwarфы и внесли в проект свои, весьма мужские правки.

И в довершение картины на парадной двери, прямо поверх изящной резьбы, был вбит гвоздь, на котором болталась табличка: «ПРОДАЕТСЯ. СРОЧНО. ТОРГ УМЕСТЕН (ЕСЛИ ВЫ НЕ ДВАРФ)».

Тонкая душевная организация хозяина не выдержала такого соседства. Мне уже начинал нравиться этот городок. Надеюсь, отпуск ничего не испортит.

Сам город жил и дышал магией. Вот выставленные рядом фонари отбрасывали мягкий голубой свет сияющих внутри кристаллов. Вот окно какого-то богача слабо светилось — явная защита от воров. А вот лавка с вывеской в виде парящей иглы и катушки ниток. В витрине стоял манекен в платье, которое медленно меняло цвет — от глубокого индиго до серебристого и обратно. Красиво.

Запах вывел меня на торговую площадь. Слева обнаружилась таверна, на вывеске которой был изображен смеющийся лис в монашеской рясе; даже отсюда доносился гул голосов и бряцание кружек. Зайду как-нибудь, у тавернщика явно хороший вкус.

Уличные торговцы, несмотря на поздний час, все еще предлагали свой товар. Я заложил руки за спину и расслабленной походкой обходил прилавки с видом знатока, как и подобает аристократу на отдыхе. На площади меня буквально пожирала глазами. Зазывали так и пытались втохать мне какой-то сувенир: то брелок с эльфийской башенкой, то какие-то красивые закорючки. Как истинный ценитель прекрасного, я, разумеется, позволил себя уговорить и прихватил несколько этих прелестных безделушек.

В конце площади пристраивали в хорошие руки разных котов, собак и рыб. Я подошел к одной из коробок. Оттуда на меня уставилось всеми восемью глазами темно-серое существо, похожее на паука. Оно посмотрело так проникновенно, что меня аж передернуло.

— Не бойтесь, это Пугли! — вещал эльф.

Но я как-то слишком быстро оказался в пяти метрах от него. Бр-р-р, Пугли, знаешь ли!

Миновав торговую площадь, я вышел, вероятно, в ремесленный квартал. В центре стоял фонтан, но вместо воды из него бил чистый, мягкий свет, озаряя статую женщины с шестью руками. В каждой руке она держала предметы: молот, книгу, лютню, колбу, кисточку и весы. Кто бы это ни придумал, он был гением! Инструменты работали еще и как указатели: по крайней мере, молот точно указывал на кузню, а весы — на торговую площадь, с которой я как раз пришел. Куда вели остальные руки, я не разглядел — деревья мешали обзору.

Фонтан оккупировали несколько существ: эльф с серебристыми волосами тихо перебирал струны арфы; пара людей в мантиях оживленно спорила, тыча пальцами в толстый фолиант; и даже гоблин, одетый в модный жилет, что-то быстро записывал в блокнот. Да уж, сон тут не в почете.

В конце квартала я заметил полурослика, который с кем-то ожесточенно торговался. Я скользнул по ним равнодушным взглядом и прошел бы мимо, если бы мозг вдруг не выцепил из разговора одно слово: «товар».

— Да это лучший ночной светильник и будильник в одном лице! — восторженно рекламировал торговец.

Вот гад. Впереди будто возникла невидимая стена, а ноги сами зашагали на месте. Как теперь пройти мимо?!

Полурослик с выражением вселенской обиды смотрел вслед уходящему покупателю, явно не оценившему его великолепный товар.

Ладно, лишь взглянем, только взглянем — и пойдем дальше! Кажется, как раз тут та самая вкусно пахнущая таверна.

— Что продаешь? — спросил я с самым серьезным выражением лица.

— О, господин хороший! Редчайший товар!

Я окинул взглядом хозяина «товара». Низкорослый, пухлый полурослик с хитрыми глазками-бусинками и клочковатой, местами подпаленной бородкой, от которой слабо пахло гарью. Одет в потертый кожаный жилет и серую, грязноватую рубаху. Выглядело это весьма комично. Я впервые видел толстого полурослика, но сдержал смех. Нужно держать серьезную мину. Вдруг у него проблемы... э-э-э... с обжорством? Весьма значимый аргумент в его пользу.

Он заметил мой интерес и тут же расплылся в подобострастной улыбке. Поднял руку с позолоченной клеткой и сдернул с нее ткань.

— Редчайший товар! — повторил он. — Прямиком из Мерцающего Леса! Это же живая пикси! И не просто пикси, а обученная!

Я присмотрелся. Внутри сидело создание размером с ладонь. Тонкие, радужные, как у стрекозы, крылышки. Светлая кожа. Из одежды — крошечное платьице из листьев. Она что-то пищала тонким, как звон колокольчика, голоском, но слов было не разобрать — только чистую, концентрированную ярость и обиду. Ее маленькие кулачки колошматили по прутьям.

Полурослик, заметив мой задумчивый взгляд, очевидно, решил, что я клюнул, и продолжил свое выступление. Он щелкнул пальцами по клетке. Пикси взвизгнула и отшатнулась.

— Видали? Знает команду! — похвастался торговец. — Она будет светить вам ночью — они же сияют, знаете ли, когда поют! А утром разбудит самой нежной трелью! Лучше любого петуха или, упаси боги, водяного будильника. И всего-то... — Он оглядел мой дорогой камзол, и его глаза загорелись алчностью, — всего-то пятьдесят золотых монет! Для такого видного господина — сущие пустяки!

Пикси в клетке, услышав его слова, снова начала пищать и трясти прутья, устремив на меня взгляд, полный мольбы.

— У вас это нормально? Ловить пикси и сажать в клетку?

Улыбка полурослика на мгновение дрогнула, сменившись выражением легкого недоумения, но он тут же взял себя в руки.

— Нормально? — он хмыкнул, поправляя жилет. — А что ж ненормального, господин? Это ж... ну, живность. Вроде... — он почесал в затылке, подбирая сравнение, — вроде певчей птички! Только эта еще и светит и будит по утрам. Очень полезная в хозяйстве вещь!

Он снова щелкнул пальцем по клетке, игнорируя то, как пикси сжала кулачки и что-то сердито прошипела в ответ, топнув ножкой.

— В Мерцающем Лесу их тысячи, господин. Тысячи! Одной больше, одной меньше... — он пожал плечами. — А тут, в Аскалоне, за нее дадут хорошие деньги. Это ж торговля! Редкий товар всегда в цене.

Он снова оскалился в улыбке, не видя в своих действиях ничего предосудительного и считая мой вопрос простой формальностью.

— Так что насчет пятидесяти золотых? Решайтесь, господин! А то вон тот маг из Башни Вечного Знания уже три раза подходил, приценивался! Уйдет такая прелесть!

— Пятьдесят золотых? Хм. Я и сам могу за такие деньги пойти в Мерцающий Лес и наловить десяток таких! Да что там — сотню! Только вот лень за ними бегать.

Понятия не имею, как тут оценивается золото, но сумма казалась весомой. Впрочем, больше всего меня возмущала не цена, а безграничная слепота этого наглого типа.

— Двадцать, — отрезал я.

Улыбка полурослика сползла с его лица, как жир со сковородки. Ох, какая игра! Ему бы в театре выступать!

— Двадцать?! — он всплеснул руками, и его голос взлетел на несколько нот выше, привлекая внимание проходящего мимо стражника. — Да вы что, господин хороший, смеетесь? Да я за эту кроху чуть глаза не лишился! «Лень» ему, видите ли... А вы попробуйте сами! — Он ткнул пальцем в сторону клетки. — Эти «тысячи» в Мерцающем Лесу не просто так летают! Они кусаются, они путают тропы, они заводят в болота к кикиморам! Я три дня ее выслеживал! Три дня! Она мне чуть бороду не спалила своим... этим... волшебством ихним!

Так вот что у него с бородой! Так тебе и надо.

— Нет, господин. Двадцать — это просто смех. Это же эксклюзив! — он понизил голос до заговорщицкого шепота. — Давайте так. Вижу, вы ценитель прекрасного. Только для вас и потому что ночь сегодня такая... лунная. Сорок золотых! И она ваша. По рукам? Посмотрите, какая она... яркая! Будет вам вместо свечки!

— Да ты совсем нюх потерял! Какие сорок? Тебе тот маг, небось, предлагал не больше двадцати! Ладно, так и быть. Тридцать. И то только потому, что сегодня у меня хорошее настроение.

Полурослик на мгновение замер, его губы сжались — он быстро подсчитывал что-то в уме. Посмотрел на пикси, с надеждой взиравшую на меня, затем перевел взгляд на мой камзол.

— Тридцать... — пробормотал он, почесывая свою опаленную бородку. — Тридцать... Маг тридцать пять предлагал! А тут вообще грабеж среди бела дня! То есть лунной ночи! Вы мне все доходы сбиваете, господин хороший!

Он театрально вздохнул, закатив глаза к двум лунам, словно призывая их в свидетели своей тяжелой доли.

— Ладно! — он резко хлопнул себя по колену. — Будь по-вашему! Тридцать золотых! Но только потому, что у вас глаза добрые!

Он протянул свою пухлую ладонь, сгорая от нетерпения.

— Гоните монету, господин! Пока я не передумал и не отнес ее тому магу!

Я засунул руку под камзол и начал искать мелочь в пространственном кармане. Так, это у нас ряд с зельями. Это у нас одежда. Еда, чай, какой-то хлам, закорючка с рынка, картина... Ай, кактус! Откуда у меня кактус?! О, вот, кажется, нашел! Так, а куда ему сыпать-то? Ладно, соберу в мешочек.

Торговец застыл с ошарашенным видом. Кажется, его удивило, что рука, погруженная в камзол, ушла в него по самый локоть. Тем временем я собрал монеты — или что там у меня в кучке лежало — и достал мешочек.

— На, посчитай.

Полурослик поставил клетку на землю и принял оплату. И медленно начал открывать завязки.

— У меня дела еще есть, давай быстрее, — поторопил его я.

— Да, да, господин. Просто тут... ну, странный мешок... и колется.

Я взглянул на мешочек. Ну да, не совсем круглый. Выглядел так, будто в него накидали разных предметов. Что поделать, если на разных планетах свои деньги?

— А, не обращай внимания, — отмахнулся я. — Наверное, иголка от кактуса попала.

Торговец приподнял бровь, но всё же поддался любопытству и развязал горловину. Когда он открыл мешочек, его глаза расширились до размера блюдца.

— Э-э... — он сглотнул, его подобострастная улыбка стала нервной и дерганой.

Он осторожно достал тяжелые диски с профилем бородатого короля-дракона, тонкие овалы монеты с дыркой посередине, украшенные иероглифами, и несколько грубоватых, но увесистых монет с изображением молота и наковальни. Были и кубы, и даже полностью круглые экземпляры. Но все они — из чистого, сияющего золота.

Он понюхал их, попробовал на зуб, и в итоге на лицо торговца вернулась алчность.

— Так что? — нетерпеливо продолжил я. — Давай быстрее, пока я не передумал, и мешочек верни.

Он торопливо пересыпал «монеты», не пересчитывая, в свой кошель, который тут же тяжело оттянул ему пояс.

— Да-да, господин! Великий господин! — забормотал он, кланяясь. — Ваша... э-э... ваша птичка!

Он подхватил с земли маленькую позолоченную клетку и протянул ее мне двумя руками.

— Спасибо за покупку! Всего вам... всего вам наилучшего! Удачной ночи!

Пикси внутри клетки перестала биться и прижалась к прутьям, глядя на меня сияющими фиолетовыми глазами, полными любопытства и надежды. В голове почему-то тут же зашумело.

— Подожди, ты говорил, что в лесу их множество. Я все-таки попробую сходить. Подскажи дорогу.

Полурослик, который уже начал было пятиться, замер и нервно сглотнул.

— Л-лес? — он запнулся, его хитрые глазки испуганно забегали. — М-мерцающий Лес, господин? Он далеко! Очень далеко! Туда, на север. — Он неопределенно махнул рукой в сторону темных городских стен. — Дня три пути, если знать тропы! А тропы-то... их никто не знает!

Он понизил голос до испуганного шепота, оглядываясь по сторонам, будто боялся, что сам лес может его услышать.

— Послушайте, господин хороший, я ж вам не врал! Там гиблое место! Топи, туманы, и эти... штуки... они там не одни! — Он кивнул на пикси, которая, услышав название леса, сердито пискнула.

Я честно пытался вставить хоть слово, но тираду торговца было не остановить.

— Я... я сам-то чудом выбрался! Я ж говорю, на опушке ее... ее... нашел! Да! Почти у самой дороги! Вам туда не надо, великий господин! Честное слово хафлинга! — Он прижал руку к груди. — В городе куда лучше! Вон, таверна... или... храм! Очень красиво! А мне... мне пора, да! Дела!

Не дожидаясь ответа, полурослик развернулся и почти бегом скрылся в ближайшем темном переулке, бормоча что-то себе под нос про «сумасшедших аристократов».

Я остался один на площади, держа в руке позолоченную клетку. Пикси в ней перестала суесться и теперь внимательно смотрела на меня.

Я перевел взгляд с пикси на клетку, затем посмотрел в сторону убежавшего торговца, снова на клетку и, наконец, на замочную скважину...

— Вот гад! Ключ забыл! — возмутился я, представляя, как с клеткой наперевес бегу по незнакомым переулкам и кричу: «Ключ! Ключ!»

— Эх, ладно... Ну что, малышка, пора домой. Куда нам идти?

Пикси перестала хмуриться и наклонила голову набок, внимательно слушая. Ее радужные крылышки слегка затрепетали.

— У меня, знаешь ли, отпуск, так что я гуляю. Могу навеститься в гости, если не против. Хочешь, могу сразу открыть клетку, но тут не очень безопасно, всякие толстые полурослики и иже с ними.

Пикси энергично закивала, показывая, что прекрасно меня поняла. Затем она указала своим крошечным пальчиком на север. Ее фиолетовые глаза светились разумом. Нет, ну как он мог посадить ее в клетку? Да уж, золото для него значит всё.

Я покинул площадь, залитую светом волшебного фонтана, и направился к массивным городским воротам. Стражники — двое высоких людей в блестящих латах, мерцающих слабым рунным светом, — проводили меня удивленными взглядами, но не остановили. За спиной я уловил неловкое «господин, куда вы один?», но уверенно пошел дальше.

За пределами стен Аскалона ночной воздух был свежее, запахи дыма и пряностей сменились ароматами влажной земли, травы и далекого леса. Шум города стих, уступая место стрекоту цикад и тихому шелесту листвы. Две луны — серебряная и лазурная — заливали окрестные холмы призрачным светом.

Я отошел в сторону от дороги, в тень раскидистого дерева, и поставил клетку на землю.

— Что ж, как и обещал.

Небрежным движением пальца я коснулся простого замка. Вместо того чтобы возиться с ключом, который полурослик мне так и не дал, я выпустил тончайшую нить эфира. Ощущая её как гибкое продолжение собственного тела, я скользнул внутрь механизма, играючи сдвигая штифты. Пара секунд, мягкий щелчок — и позолоченная дверца плавно отворилась.

Пикси мгновение смотрела на выход, затем на меня. Я же лишь подавил тяжелый вздох. Честно говоря, взламывать замок было откровенно лень — даже таким изящным способом. Она выпорхнула из клетки. Крылья вспыхнули в лунном свете всеми цветами радуги. Она сделала круг в воздухе, разминая затекшие конечности, и ее тело начало светиться мягким, пульсирующим фиолетовым светом, разгоняя тени у моих ног.

Она подлетела к моему лицу, зависнув в воздухе на уровне глаз, и что-то запищала. Шум в сознании усилился. О, так это она пытается со мной поговорить? Я впустил этот шум чуть

поглубже. Вербальный писк и ментальный шум смешались в единый коктейль, и вместе это создало понятный голос, тонкий и звонкий, как крошечный серебряный колокольчик.

— «Спас-сибо, Высокий! Ты пахнешь звездами, а не железом и жадностью, как тот толстый вор!»

Она сделала в воздухе кульбит.

— «Дом — там!» — она указала тонкой ручкой на север, в сторону темнеющей гряды холмов. «Путь долгий! Но я быстрая! Ты... ты правда придешь в гости?» — в ее голосе сквозило искреннее и немного наивное любопытство. — «Толстые-жадные обычно не приходят! Они боятся! Но ты не толстый!»

— Ну, спасибо за комплимент. Да и чего бояться? Не темные же боги там в нарды играют. Ах да, минуточку.

Привычным движением я засунул руку под камзол и достал КУС — Карманное Устройство Связи. Тонкую, абсолютно плоскую пластину из темного, похожего на стекло материала. Узнав хозяина, она тут же засветилась.

— Так, улыбнись, или что вы там делаете, когда у вас хорошее настроение... — пробормотал я.

Пикси с любопытством наклонила голову, ее фиолетовые глазки удивленно моргнули.

Я навел на нас с пикси КУС. На пластине появились наши лица. Увидев свое отражение, малышка на секунду замерла, лишь крылья продолжали шелестеть.

— ...ага, вот так.

Яркая, но совершенно беззвучная вспышка света вырвалась из пластины, на мгновение ослепляя. Пикси испуганно взвизгнула и отлетела на пару метров, быстро-быстро махая крыльшками и протирая глаза.

— «Что это?! Ты поймал меня в стекло?!» — панически зазвенел ее голосок у меня в голове.

Я, не обращая внимания на ее тревогу, рассматривал, как она «выразилась в стекло». Изображение вышло идеальным: мое слегка улыбающееся лицо с длинными выющимися волосами рядом с крошечной, ярко светящейся фиолетовой фигуркой с выражением крайнего удивления.

Зайдя в общий чат друзей, я прикрепил изображение и отправил в переписку. А то без меня совсем заскучают.

— Не бойся, не украл, — успокоил я пикси, которая после вспышки спряталась за ближайшую ветку и теперь сверлила меня подозрительным взглядом. — Это просто... сувенир. Так что, на севере, говоришь?

Пикси, все еще с опаской, подлетела обратно.

— «Очень странный сувенир...» — пробормотала она. «Да! На север! Через Тихие Холмы, потом мимо Сонного Ручья, и сразу за ним — наш Лес! Его видно! Он светится!»

Она сделала еще один круг вокруг моей головы, ее сияние стало ярче от возбуждения.

— «Спасибо, пахнувший звездами! Я полетела! Жду в гости! Тебя не тронут, только не приводи толстых-жадных!»

Со звонким смехом, похожим на россыпь бисера, пикси сорвалась с места и, как фиолетовый метеор, устремилась в ночное небо, быстро исчезая из вида над темными холмами на севере.

— Стой! Куда без меня?! Вот же мелкая...

Я щелкнул каблуками, и гравитация послушно отступила. Камзол от встречного ветра даже не помялся, лишь его края элегантно колыхались в воздухе. Рука привычно нащупала в пространственном кармане дымящуюся чашку с терпким черным чаем. Если уж лететь, то с комфортом и напитком!

— Не спеши так! — крикнул я вслед пикси, набирая скорость.

Глава 2

Я скользил над темными холмами, следуя за быстро удаляющейся фиолетовой искоркой. Ни одна капля горячего чая не пролилась, даже когда я сделал спокойный глоток. Можно было и без этой показухи, но привычка — вторая натура.

Пикси, мчавшаяся на пределе своих сил, услышала голос прямо за спиной. Она резко обернулась, едва не кувыркнувшись в воздухе. Ее фиолетовые глаза стали огромными, когда она увидела меня. Без крыльев. Просто... летящего, как будто это самое обычное дело. А потом она заметила чашку.

Ее голосок, исполненный абсолютного изумления, ворвался в мой разум

— «Ты... ты летишь?!»

Она резко затормозила, так что я почти проскочил мимо.

— «Но... но... у тебя нет крыльев! И ты пьешь?! В небе?!»

Она подлетела ближе, зависнув прямо перед моим лицом. Любопытство перевесило спешку. Она переводила взгляд с моего лица на чашку и обратно.

— «Кто ты такой, пахнувший звездами?!»

Я сделал еще один глоток, невозмутимо глядя на ошарашенное создание.

— Ну, вообще-то, я просто люблю повыпендриваться, — ответил я с легкой ухмылкой.

И тут же за моей спиной с мягким шелестом, похожим на вздох, развернулись крылья. Они были огромны — размах легко перекрывал мой рост вдвое. Не из перьев или кожи, а словно сотканные из дымчатого хрусталя или застывшей тени, полупрозрачные, глубокого, почти черного баклажанового цвета. Они медленно, методично взмахнули. Лунный свет, проходя сквозь них, дробился на тысячи тусклых лиловых искр. На фоне суетливого трепетания крылышек пикси это выглядело весьма внушительно.

Малышка издала тихий писк, ее рот открылся от шока. Она перестала махать крыльями и просто повисла в воздухе, удерживаемая чистым изумлением или, что вероятнее, собственной магией.

— Например, вот так. Салкрит, приятно познакомиться.

Пикси несколько секунд молчала. Затем она тряхнула головой, словно отгоняя наваждение, и ее собственный фиолетовый свет от крыльев вспыхнул ярче.

— «Сал-крит...» — попробовала она имя на вкус. «Салкрит-пахнувший-звездами-и-пьющий-в-небе! Ух ты!»

Ее страх мгновенно сменился восторгом.

— «Я — Пип! Просто Пип!» — радостно зазвенела она в моей голове. «Какие у тебя странные крылья! Они как застывший закат в Гнилой Топи! Только красивые!»

От этого сравнения у меня дернулась бровь.

— «Ну, раз ты летишь, тогда еще лучше! Быстрее будем! Полетели, Салкрит! Полетели домой! Я покажу тебе наш Тис! Он самый старый и самый мудрый! Тебе понравится!»

Она сделала в воздухе сальто и сорвалась с места.

Осознав, что меня только что сравнили с болотом, я вздохнул и устремился следом.

Мы летели над холмами. Под нами в свете двух лун простирались пологие склоны, покрытые низкой травой, которая колыбалась, как морские волны. Лазурная луна не зря занимала свое место на небосводе: под порывами ветра трава мерцала, то наливаясь синевой, то тускнея.

Печально, что нигде не было видно ни огонька, ни признака жилья. Только древние, поросшие мхом валуны дремали в лощинах. А я еще собирался отправиться на прогулку пешком! Представляю картину: три дня топаю, а из собеседников только жуки, да и троп нормальных нет. М-да, север от Аскалона совсем дикий. Как вернусь, пойду в другую сторону света, благо их еще целых три.

Пока мы продвигались вперед, Пип носилась вокруг меня кругами, то обгоняя и кувыряясь, то отставая, чтобы рассмотреть мои крылья поближе.

— «Быстрее, быстрее!» — звенела Пип, хотя я и так не отставал. Вот же маленький ураган. «Смотри! Вон там — Сонный Ручей! Мы почти у цели!»

Она указала вперед. В низине между холмами висела темная лента воды, от которой поднималась легкая серебристая дымка. Ручей действительно казался сонным — его течение было почти незаметным, а берега густо поросли высокими, склонившимися ивами. Неплохое место для пикника.

Мы пересекли ручей, и воздух мгновенно изменился. Он стал влажным, густым и наполнился тысячами новых запахов: прелой листвы, грибов, мха и чего-то сладкого, почти приторного, как ночные фиалки. Мой нос не выдержал такого букета, и я смачно чихнул.

— «Всё! Вот он!» — с гордостью объявила Пип.

Прямоком по курсу начинался Лес.

Это были не просто деревья. Их стволы были исполинскими, а сплетение ветвей образовывало настолько плотный купол, что со стороны казалось, будто внутри царит непроглядный мрак, сквозь который лишь изредка пробиваются слабые огоньки. Пип сделала победный круг и устремилась под эти мрачные своды.

— «Сюда, Салкрит! Не бойся, тут наши!»

Опять она за свое «не бойся». Я плавно спустился за Пип под полог Мерцающего Леса. Мои крылья мягко сложились за спиной, побледнели и исчезли. Ноги ступили на мягчайший ковер из светящегося мха. Ощущение, будто идешь по бархату.

И только оказавшись внизу, я понял, насколько обманчивым был вид снаружи. Под этим плотным куполом вовсе не было темно. Весь лес был пронизан внутренним сиянием. Светились грибы на земле, лианы, обвивающие стволы, и мириады крошечных огоньков — других пикси, светлячков и чего-то еще, — которые мигали в глубине, как россыпь драгоценных камней. Исполинские деревья вздымались вверх, как колонны заброшенного храма, а сам воздух казался густым, теплым и совершенно неподвижным. Пространство наполнял тихий звон, шепот и смех. Вот она, зеленая энергетика, буквально. Местные обитатели даже не задумываются, что такое плата за свет.

— Красиво. Потолки высокие, не дует, тепло и светло, ковер даже постелили, — заметил я.

Мой голос, спокойный и низкий, разнесся в наступившей тишине леса. Это окончательно разрушило оцепенение тех, кто наблюдал за моим приземлением: несколько ближайших огоньков-пикси испуганно метнулись в сторону, а затем с любопытством выглянули из-за грибных шляпок.

Пип просто сияла от гордости. Ее фиолетовый свет стал почти ослепительным.

— «Красиво? Это самое-самое красивое место во всех мирах!» — зазвенел ее голосок. «Смотри! Это шепчущие лианы! А это — смеющиеся грибы! Только не наступай, они щекочутся!»

Она порхала вперед, указывая на чудеса своего дома. Гибкие стебли, свисающие с ветвей, действительно тихо шептались, когда я проходил мимо — наверное, обсуждали меня, но лианий язык еще не успел выучить. Надеюсь, говорили только хорошее.

Грибы у корней деревьев, размером с тарелку, тихонько хихикали, когда их касался свет Пип. Наступать на них совершенно не хотелось.

Она вела меня в самую чащу. Отовсюду за нами наблюдали — десятки крошечных любопытных лиц и светящихся огоньков появлялись и исчезали в полумраке. Кажется, весь лес затаил дыхание, рассматривая меня, даже деревья перестали скрипеть. Да уж, такое впечатление я хотел произвести в городе. А произвел на деревья... Запишу как достижение.

Я достал КУС — это нужно было задокументировать.

— Первый день отпуска довольно успешен. Местный полурослик поймал пикси, пришлось вызволять, иначе он бы ее съел. Попил чаю под облаками, пока летел на званный ужин к хихикающим грибам. И вот я тут, — я специально покрутился на месте, показывая достопримечательности. — Помимо смеющихся грибов, тут есть шепчущиеся лианы. Думаю о том, что будет, если лиану протянуть к грибу. Как сказала Пип — так зовут спасенную мной пикси, — эти грибы щекочутся.

Пип, услышав свое имя, тут же подлетела и начала заглядывать в кадр.

— Вопрос мирового масштаба. Смеются ли от щекотки шепчущиеся лианы? Не усну, пока не узнаю. А вы там как, работаете?

На этих словах я закончил съемку и отправил видео в общий чат. КУС исчез за пазухой. Надо бы глянуть потом, что ответят.

Пип, которая все это время с любопытством разглядывала, как я разговариваю с куском стекла, подлетела ближе.

— «Ты... ты говорил с ним?» — удивилась она. «С сувениром?»

— С друзьями, — пояснил я, похлопав себя по груди, где покоилась пластина. — Отправил им видео. Показал, где я гуляю. Пусть завидуют.

Пип восторженно захлопала в ладоши.

— «Ты показал им наш Лес?» — она была в восторге. «Им понравилось? Они тоже придут в гости? Ой, надо предупредить Королеву! Пойдем! Мы почти у Тиса!»

Впереди что-то сияло. Пип подлетела и, схватив меня за рукав камзола, усердно попыталась тащить в сторону света. Не став ее разочаровывать, я пошел за ней.

Мы вышли на широкую поляну. Посреди нее возвышался исполин — видимо, тот самый Тис. Хотя слово «дерево» тут было бы неуместно. Это был, скорее, живой собор. Его ствол был настолько огромен, что, кажется, в нем мог бы поместиться целый замок. Кора была сплошь покрыта мхом, который изливал изумрудный свет.

А его ветви — каждая толщиной с обычное вековое дерево — уходили высоко вверх, теряясь во мраке, и с них, словно капли дождя, свисали тысячи тонких кристаллических нитей. Эти нити светились всеми цветами радуги, и от них исходила тихая, мелодичная музыка — тот самый звон, что я слышал раньше.

Удивительно! Какая магия поддерживала это место? Может, тут кристалл под землей, а может, что-то еще способствовало существованию этого исполина? Планета Альгама классифицировалась для меня как безопасная, но что-то я начинаю сомневаться в нашей разведке...

У корней Тиса, в естественных нишах и дуплах, сияли сотни огоньков — судя по всему, сюда слетелись пикси со всего леса. При нашем появлении шепот и смех стихли. Все взгляды — тысячи крошечных любопытных глаз — устремились на меня.

Пип, сияя от гордости, вылетела на середину поляны.

— «Смотрите! Смотрите все! Я вернулась! И я привела гостя!» — зазвенел ее голосок, но на этот раз он звучал не только в моей голове — он эхом разнесся по всей поляне, усиленный магией места. «Его зовут Салкрит! Он пахнет звездами, пьет чай в небе и у него крылья из заката! И он спас меня от толстого-жадного вора!»

Толпа пикси взорвалась тысячей восторженных вздохов и перешептываний. Некоторые из них даже меняли цвет: вот одна расширила глаза, и ее крылья начали светиться желтым, видимо, от любопытства. А другая разинула рот, и цвет ее стал ярко-розовым — то ли от восхищения, то ли еще от чего-то.

Через пару секунд свечение у корней Тиса стало ярче. Огоньки пикси расступились, и из самого большого дупла, усталого мягким лунным шелком, появилась фигура.

Она была намного выше других пикси, почти мне по колено, и довольно изящна. На ней было платье, словно сотканное из живых цветов и призрачного серебристого света. Ее крылья разительно отличались от крыльев Пип. Если у малышки они были узкими и заостренными,

то у Королевы очертания были плавными и мягкими, больше напоминая крылья огромной бабочки, окрашенные в глубокие синие и серебряные тона. В ее серебристых волосах покоилась крошечная корона из цветущих веточек. Лицо являло собой воплощение древней, вневременной красоты, а глаза светились мудростью и спокойствием. Сразу ясно — Королева. И почему во всех мирах статус обязывает носить неудобные «шляпы»?

Она медленно подлетела ко мне и зависла на уровне моей груди, внимательно и бесстрашно разглядывая меня. Тишина на поляне стала почти абсолютной. А я, в свою очередь, с интересом изучал её. С местным этикетом меня не успели ознакомить, поэтому я лишь вежливо улыбнулся.

— «Странник, что пахнет иными мирами», — ее голос прозвучал в моем сознании не как колокольчик Пип, а как глубокая, обволакивающая музыка виолончели. — «Пип говорит что ты ее спас, а значит мы в долгу перед тобой. Мы, дети Мерцающего Леса, приветствуем тебя, Салкрит. Редко кто из Высоких приходит к нам с миром и пустыми руками...»

С пустыми руками? Это укор? Надо выходить из этого неловкого положения. Да, к королеве без подарка — даже без знания этикета это было оскорбительно.

— Вы же пьете чай? — спросил я, окинув взглядом поляну. — Так, столика тут нет — непорядок. Нужно исправлять.

— «Исправлять?» — начала Королева, но не успела закончить.

Быстрым движением указательного пальца я провел перед собой, словно ножом проделав дыру в пространстве, и с усилием раздвинул расщелину, как тугие дверные створки.

— «Ух ты! Он порвал воздух!» — восторженно пискнул кто-то из пикси, и по поляне прокатился пораженный вздох сотен крошечных зрителей.

Со стороны это, должно быть, выглядело как вершина магического искусства. Ага, конечно. Знали бы они правду. Тонкая магия пространства мне никогда не давалась, обычные порталы осыпались еще при создании. Мой секрет крылся в невероятном везении: я и сам толком не знал, откуда у меня этот пространственный карман. Возможно, он был со мной всегда, как странная, неотделимая часть моей магии, ставшая в итоге весьма вместительным личным тайником. К тому же время внутри словно замирало — с таким талантом моя истинная карьера явно лежала в сфере межгалактической курьерской доставки. Выудить из кармана чашку ничего не стоило, но вот разрывать ткань реальности грубой силой, чтобы протиснуть целый стол, было тем еще испытанием.

Сохраняя невозмутимый вид, я по локоть засунул руки в темный разлом, нащупал что-то деревянное в отсеке мебели и потянул. На светящийся мох вывалился низкий столик из темного полированного дерева, которое казалось почти черным в изумрудном сиянии леса.

Так, чашки, чашки. Не зря мастер заставлял для мелкой моторики делать всякие маленькие вещицы — естественно, я смастерил полный набор для чаепития. Потянулся и достал десятки крошечных, изящных чашечек размером с наперсток. Из каждой поднимался легкий ароматный пар.

А с чем нужно пить чай? Правильно, со сладким. Иначе как-то дешево для королевского приема. Рядом появилась хрустальная вазочка, до краев наполненная конфетами в блестящих обертках. Вот так-то лучше.

Пикси, заворуженно наблюдавшие за моими манипуляциями, снова погрузились в почти-тельную тишину. Но стоило мне достать хрустальную вазочку, до краев наполненную конфетами в блестящих обертках, как тишину разорвал коллективный, оглушительный вздох. Толпа всколыхнулась. Волна ярко-розового и желтого света прокатилась по поляне, когда они все разом засветились.

— «Блестящая еда!» — завизжала Пип. «Салкрит сделал блестящую еду! В обертках!»

Пикси любят блестящие вещи. Не знал, возьму на заметку.

Королева подлетела к столику. Она опустила взгляд на крошечную чашечку, из которой пахло не просто травами, а чем-то сложным — бергамотом, медом и легкой дымкой.

— «Когда я говорила "с пустыми руками"...» — ее музыкальный голос был полон удивления. «...я имела в виду, что в твоих руках нет оружия, странник. Ты, я полагаю, носишь с собой целый пир. Мы пьем росу и цветочный нектар, Салкрит. Но... это...»

Она грациозно, двумя пальчиками, взяла одну из чашечек, поднесла ее к губам и сделала крошечный, деликатный глоток.

Я заметил, как ее глаза, до этого спокойные и древние, на мгновение широко распахнулись.

— «Это... теплое...» — прошелестел ее голос в моем сознании. «Оно горькое... и сладкое... и яркое! Как сам Лес после весеннего дождя».

Я опять не мог понять, комплимент ли это. Вкусный ли Лес после весеннего дождя? Логика пикси не поддавалась анализу, а вот эмоции говорили о многом.

Она сделала еще один глоток, и на ее лице появилась легкая, искренняя улыбка. Этот жест послужил сигналом.

В следующее мгновение поляна взорвалась. Сотни пикси, визжа от восторга, ринулись к столу. Чая они пока опасались — он был горячим и новым, — но конфеты!

Они набросились на хрустальную вазочку, выхватывая блестящие «камни» (как выкрикнул кто-то из них), с восторженным писком разрывая обертки и пробуя на вкус шоколад и карамель. Началась веселая, хаотичная кутерьма. Я наблюдал, как одна из пикси выхватила самую яркую обертку и попыталась с ней улететь. Не тут-то было: за эту обертку чуть ли не драка началась. Выглядело это все, конечно, забавно, благо на дне вазочки были еще такие же и всё закончилось миром.

Королева с улыбкой наблюдала за своим народом, потягивая чай из крошечной чашки. Да и я сам не отставал, хотя иногда чуть ли не давился от смеха — приходилось быстро глотать: зрелище было действительно уморительным.

Затем Королева снова посмотрела на меня.

— «Ты удивительное создание, Салкрит-пахнувший-звездами. Ты принес то, чего мы никогда не пробовали. Спасибо тебе. Не только за Пип, но и за...» — она кивнула на пирующих пикси, — «...этот маленький сладкий хаос».

— Да пожалуйста, мне не жалко, — ответил я, наблюдая, как две пикси пытаются утащить одну особенно большую шоколадную конфету, отчаянно жужжа крыльями. — Отпуск все же, нужно веселиться, отдыхать.

Я повел плечом, на котором уже сидела Пип, которая грызла маленькую карамельку, прикрыв глаза от удовольствия. Находясь со мной, она чувствовала некое преимущество над собратьями.

Королева допила свой чай и грациозно поставила чашечку обратно на стол. Вокруг нас царил счастливый беспорядок. Пикси носились в воздухе, оставляя за собой разноцветные следы, хвастаясь друг перед другом блестящими обертками, которые они тут же начинали прилаживать себе как щегольские шарфы, широкие пояса и шляпы. В воздухе стоял гул восторженного писка и запах шоколада, смешанный с ароматом мха.

— «Твой "отпуск", как ты его зовешь, весьма щедр», — заметила Королева. Ее древние глаза смотрели на меня с теплым весельем. — «Ты оказал нам большую услугу. Не только спасением Пип, но и этим даром. Толстые-жадные всегда приходят, чтобы взять. Ты пришел — и дал».

Она сделала знак рукой, и веселье на поляне слегка стихло. Пикси, облепленные шоколадом и карамелью, повернулись к ней.

— «Мы, народ Мерцающего Леса, в долгу перед тобой, Салкрит. Мы не торгуемся, как полурослики, но мы платим за доброту».

Она подлетела ближе.

— «Проси что пожелаешь. Если это в силах Великого Тиса и его детей, оно будет твоим. Мудрость? Защита в пути? А можно...» — она сделала паузу и с улыбкой посмотрела на пирующих и на пустую обертку в руках, — «...а можно еще конфет?»

— Конечно, можно, — сказал я. Королева тоже та еще сладкоежка.

Опять разрезав пространство до своего склада, я достал еще одно серебряное блюдо. На нем высилась гора пирожных: эклеры, из которых сочился крем, бисквиты с сахарным сиропом и что-то похожее на разноцветные меренги, которые светились изнутри. Уже не помню, где покупал все эти вкусняшки, однако конфеты заканчивались, и приходилось импровизировать, иначе в отпуске останусь без этих вкусных «камней».

Я поставил блюдо между уже основательно разграбленной вазочкой из-под конфет и крошечными чайными чашками. Да, сервиз был маленький, а вот еда обычного размера. Но тут было так много пикси, что они сметали все, как ураган, съедали или прятали у себя в деревьях.

Если от конфет был восторг, то от запаха свежей выпечки, ванили и сливок пикси впали в священный экстаз. Пип на моем плече издала такой пронзительный визг, что мне пришлось слегка поморщиться, и тут же слетела, чтобы первой вцепиться в эклер длиной с ее рост.

Глава 3

— К слову, мне от вас ничего не нужно, — продолжил я, обращаясь к Королеве, пока за моей спиной разворачивалась битва за пирожные. — Вы и так меня гостеприимно приняли. Меня частенько прогоняют — обычно в местах, где нет магии, — с криками «Еретик!», «Демон!» и все в таком духе.

Королева пикси, которая с не меньшим удивлением, чем ее подданные, рассматривала появившиеся сладости, перевела на меня свой глубокий взгляд. В моей голове прозвучал музыкальный смех.

— «Еретик? Демон?» — она грациозно склонила голову. — «Странные слова. Это слова тех, кто боится. Миры без магии, должно быть, очень скучные и страшные места, раз там боятся того, кто приносит чай и пирожные».

Она на мгновение замолчала, проницательно изучая мое лицо своими древними серебряными глазами.

— «Ты отказываешься от дара, Салкрит. Это большая редкость. Большинство Высоких приходят сюда, чтобы взять — силу у Тиса, тайну у ручьев, свет у нас. Ты пришел, потому что... в отпуске». Она произнесла это слово так, словно пробовала его на вкус. — «И ты принес дары».

Пип, вся перепачканная кремом, подлетела ко мне, держа в руках надкушенный бисквит.

— «Какой "демон"?!» — возмущенно запищала она у меня в голове. — «Глупые-глупые-глупые! Они просто не пробовали твои пирожные! Ты не демон, ты... ты... Конфетный Король!»

Я заметил, как Королева улыбнулась этой новой кличке. Да и мне было весело. Конфетный Король! А что? Меня так еще не называли.

— «Что ж, "Конфетный Король", если тебе ничего не нужно от нас, то прими нашу благодарность. Мы не в силах предложить тебе то, что ты способен создать сам одним щелчком пальцев. Но мы можем предложить тебе то, что в твоих мирах, похоже, в дефиците».

Она сделала плавный жест рукой, обводя сияющую поляну и притихших, жующих пикси.

— «Покой. Здесь тебя никто не прогонит. Мерцающий Лес — твой друг. Отдыхай, Салкрит. Твой отпуск будет под нашей защитой, пока ты находишься в этих землях».

Отказываться от бесплатного жилья, хоть и с шумными сожителями, было бы неправильно, особенно когда тебе это предлагает Королева.

— Большое спасибо, тогда я задержусь на пару дней, у вас очень живописно.

— «Мы будем рады. Великий Тис не видит в тебе тьмы, Салкрит, лишь... звезды и немного озорства», — ее музыкальный голос прозвучал одобрительно.

Пип, услышав это, издала восторженный писк, едва не выронив свой полусъеденный бисквит.

— «Ура! Ура! Салкрит остается! Он будет нашим гостем! Моим гостем!» — она тут же начала командовать, носясь в воздухе кругами, с перемазанной кремом мордашкой. — «Нужно найти ему самую лучшую ветку! Нет, самое мягкое дупло! Нет, гамак из лунного шелка! И еще чая! И еще пирожных!»

Королева улыбнулась суе Пип.

— «Она найдет тебе лучшее место для отдыха, Конфетный Король. А пока — наслаждайся нашим гостеприимством и миром Мерцающего Леса».

Вокруг меня снова воцарился счастливый хаос. Пикси, осмелев, подлетали ко мне — одни с любопытством трогали золотое шитье моего камзола, другие просто зависали в воздухе, разглядывая мое лицо.

Я нашел удобное место у исполинских корней Великого Тиса, прислонился к теплому, светящемуся мху и расслабленно вздохнул. Сверху доносился тихий мелодичный звон кристаллических нитей, а воздух пах ванилью, шоколадом и древним, волшебным лесом. Пожалуй, это место действительно идеально подходило для начала отпуска. Даже в сон потянуло, хотя это, скорее всего, из-за смены эфирного климата.

Тем временем пикси доедали остатки пирожных, весело перемазываясь кремом. Атмосфера была полна умиротворения. Самое время проверить, что мне ответили.

Я достал КУС и открыл общую беседу Гильдии, где собрались те, с кем я учился или работал. В общем, тут все друг друга более-менее знали, и именно сюда я отправил последние записи. Подавляющее большинство соратников сейчас было на заданиях, где нельзя связываться с Гильдией из-за возможной угрозы темных богов или по другим причинам, поэтому в данный момент в сети находились немногие.

К'Тарр [аватар: череп]: Салкрит, ты оставил ожившие статуи в Некрополе. Я хотел их просто развеять, но по условиям контракта их нельзя ломать! Даже царапать нельзя! Я не могу провести Ритуал Вечного Сна, не повредив их, пока они сопротивляются! ТЫ ЗАЧЕМ НАУЧИЛ ИХ ИГРАТЬ В ПОКЕР?! Они заявили, что у них незавершенное дело! Они хотят отыграться за кактус! Но когда я предлагаю вернуть деньгами, они кричат: Дело принципа! И требуют новую раздачу! А ЭТО ЛОВУШКА! Если я выигрываю — они требуют реванш. Если я проигрываю — они кричат удваиваем! и не хотят уходить с выигравшим!

К'Тарр: И ГЛАВНОЕ: ОНИ ЖУЛЬНИЧАЮТ! Я слышу каменный скрежет под столом, но стоит мне заглянуть — они тут же замирают, намертво сжав карты в своих лапищах! И я ничего не могу сделать! Если попытаюсь разжать им когти — нарушу контракт и поврежу статую! Они этим нагло пользуются и просто сидят как тупые изваяния, пока я не выпрямлюсь! Я застрял в бесконечном турнире! Пришли конфеты, у меня мигрень (фантомная)! (**отправлен стикер: бьющийся о стену череп**).

Наш штатный лич, как всегда, в своем репертуаре. Капс, паника и просьба о конфетах. Мертвым, видите ли, не хватает глюкозы для работы мозга. Хотя я до сих пор не уверен, есть ли у него мозг в физическом смысле. И ведь главное! Конфеты нашего повара не ест, ему конфеты из других миров подавай.

Некрополь находился в Поющих Песках, вот откуда у меня кактус! Это же был «Большой Куш» того вечера. Главная Гаргулья поставила на кон свой любимый цветок в горшке против моего фулл-хауса. Пришлось забрать, чтобы не обидеть каменного парня — он утверждал, что это редчайший Драконий Репей, хотя выглядел тот как обычная колючка. Надеюсь, К'Тарр не проиграет им свою филактерию, пытаясь отыграться.

[Элара Сияющая][аватар: сложный рунический символ]: Салкрит, это просто прекрасно! Какая прелесть! Ты как всегда находишь самые дивные миры. А у нас тут весело: Эррик решил раскрасить тренировочных големов, потому что они, видите ли, «слишком жутко выглядели». В итоге краска намертво залила кнопки отключения! И знаешь что? Магистр Овиран сказал, что так даже лучше! Заявил, что вырубать голема точным попаданием по кнопке было слишком легко. Теперь мы носимся по полигону на выживание, пока у этих цветастых махин не сядут эфирные кристаллы! Так что спим на ходу. Возвращайся скорее и не забудь чай, наши запасы кончаются.

Я с блаженством откусил эклер. Как же вовремя меня отправили в отпуск. Ненавижу физические тренировки. Бегать по полигону от магического голема — это, конечно, закаляет дух, но пить чай в компании пикси мне нравится куда больше.

[Воррн Громобой] [аватар: сжатый кулак]: Летающий чай. Выпендрейник.

Пара слов для Воррна это почти светская беседа. Воррн считал слова таким же ценным ресурсом, как мана. И тратить их на пустую болтовню не собирался.

[Корбан Элегантный] [аватар: дымящаяся сигара и цилиндр]: Весьма живописно, коллега. Надеюсь, местная фауна не слишком шумная. Если обнаружишь там приличный табак, захвати пару тюков. Я сейчас на задании в мире вулканов, тут жарковато, и мой хьюмидор, увы, приказал долго жить. Мои лучшие сигары пересохли и крошатся. Огненные элементы совершенно не ценят хороший вкус.

Я усмехнулся. Типичный Корбан. Сидит в вулкане, дерется с элементами, но переживает только о том, что из-за жары его премиальные сигары пересохли и превратились в хрупкую труху — настоящая трагедия для ценителя. Наш человек. Единственный, кто понимает, что даже Апокалипсис нужно встречать в хорошем костюме и с комфортом.

Да, Гильдия жила своей обычной, хаотичной жизнью.

Пип, до этого нарезавшая круги с остатком бисквита в обнимку, вдруг спикировала мне на плечо. Заглянув в мерцающий экран, она засыпала меня вопросами:

— «Ух ты! Сколько светящихся значков! Это твои... пикси? Они злые? Что такое "Некрополь"? Это вкусно?»

— Некрополь — это там, где играют в карты, он невкусный. И нет, это не пикси, это такие же высокие, как я... ну, не все как я, но тут долго рассказывать. Не злые, просто... голодные, чая не напасть.

Я спрятал КУС и обратился к Пип.

— Пип, а как так вообще получилось, что тебя поймали?

Пип, которая как раз пыталась водрузить на голову блестящую обертку от конфеты, словно корону, замерла. Ее фиолетовый свет на мгновение потускнел, а крылышки перестали жужжать.

— «Поймали?!» — зазвенел ее голосок у меня в голове, и в нем слышалось искреннее возмущение. — «Меня не поймали! Меня обманули!»

— «Я летала далеко! Дальше, чем велела Королева», — призналась она, понизив «голос» до виноватого шепота. — «Я искала самые редкие лунные орхидеи для венка! Они растут только у самой кромки леса, там, где начинается земля толстых-жадных!»

— «И я увидела ее! Блестяшку! Огромную, сияющую, как... как твои монеты! Она лежала прямо на камне. Я подумала, это упавшая звезда! Или слеза луны!»

Она вспыхнула оранжевым цветом и топнула ножкой по моему камзолу. Кажется, я задел ее за живое.

— «Я подлетела потрогать... а это была ловушка! Липкая, противная сетка из железных ниток! Она упала прямо на меня! Ф-фу! Я прилипла!»

Она аж съежилась, вспоминая этот момент.

— «А потом он пришел. Толстый-жадный вор! Он пах как... как мокрый камень и гнилые грибы! Он смеялся! Я пыталась его укусить! И кинула в него огненной пылью!»

Ха, я сразу вспомнил бороду хафлинга.

— «Я пыталась спеть ему Песню Спутанных-ног, но он сунул меня в эту ужасную железную коробку!»

Теперь понятно, почему на площади я слышал лишь неразборчивый шум. Клетка была зачарована и глушила ментальную магию. Получается полурослик побаивался колдовства пикси.

Она опустила голову и продолжила, а я все поражался. Столько эмоций в таком крохотном создании — тут раздолье для энергетического вампира. Хотя нет, он, наверняка лопнет от переизбытка чувств.

— «Там было холодно и воняло железом. Я думала, я больше никогда не увижу Тис...»

Она замолчала, но тут же встряхнулась, словно отгоняя плохие воспоминания.

— «...Но потом пришел ты, Салкрит!» — ее свет снова стал ярко-фиолетовым. — «Ты пах звездами! И ты дал ему монеты! И он сразу убежал!»

Она решительно кивнула, ее настроение мгновенно сменилось с трагического на восторженное.

— «Больше никогда не полечу к блестяшкам! Если только... если только это не твои конфеты!» — и тут же принялась поправлять блестящий фантик на голове.

— Будь осторожна, Пип. В следующий раз я не смогу помочь, — произнес я максимально серьезным тоном.

Она пронзительно посмотрела на меня и почти замерла. Похоже, я смог до нее достучаться. Она пару раз медленно моргнула.

— «Я... я знаю, Салкрит», — ее голосок в моей голове прозвучал необычно тихо, без привычного звона. Ее сияние потускнело до мягкого, лавандового оттенка. — «Ты... ты прав. Толстых-жадных много. А пахнувших-звездами — мало».

Она грустно посмотрела на свои крошечные, все еще липкие от крема ручки и целых три секунды всерьез обдумывала опасность мира за пределами ее леса.

Но затем она резко встрепенулась. Она подлетела прямо к моему лицу, ее свет вспыхнул с новой силой.

— «Но я теперь умная! Очень-очень умная!» — решительно заявила она. — «Я больше не попадусь! Я буду кусаться сразу! И я не буду трогать блестяшки, которые лежат на камнях!»

Она сжала кулачки, полная решимости.

— «Я буду осторожна!» — наконец, торжественно произнесла она. — «Честное-пречестное слово пикси!»

Чтобы закрепить клятву, она, как маленький фиолетовый метеор, сорвалась с места и легонько «боднула» меня в кончик носа, оставив на нем крошечную, мерцающую частичку света, и тут же отлетела, хихикая, словно совершила невероятную шалость.

Я усмехнулся на заверения Пип и ее неожиданный «поцелуй» в нос.

К этому моменту пиршество вокруг нас уже закончилось. Пикси разглядывали фарфоровые чашечки и полированный стол, перешептываясь и иногда бросая на меня взгляды, полные восхищения.

Лес все-таки вдохновлял на искусство, и после пира с пикси меня пару раз посещала идея: как бы запечатлеть этот момент и подарить его лесу? КУС для этой цели не подходил. Что ж, пора вспомнить уроки анатомии монстров и Элеонору, заставлявшую детально зарисовывать каждое создание на холсте и указывать его слабые места. Она считала, что так мы лучше усвоим материал, и была права. Она даже циклопа научила рисовать. Жаль, что мольберт так просто не достать, опять придется делать широкий туннель до моего склада...

Я медленно провел указательным пальцем по воздуху, концентрируясь на потоках пространственного кармана. Под моей волей пространство сжалось, и появилась тонкая полоса. Оставалось лишь раздвинуть ее. Я просунул пальцы в щель и развел ее, как створки двери.

Быстро смахнул пот, пока никто не заметил, и вытащил нужную вещь. Мой старый добрый мольберт из светлого дерева; на нем уже был закреплен холст. Рядом был пристроен столик с красками и кистями. Не садясь, я начал рисовать.

Движения были быстрыми и точными: двадцать лет учебы с Элеонорой давали свои плоды, да и магию никто не отменял. Краски подчинялись не только кисти, но и моей воле. Там, где было нужно, краска расплывалась определенной фигурой, заполняла пространство или смешивалась с другими цветами. Кисть выступала как помощник, так было проще сконцентрироваться на процессе. Несколько пикси с блестящими обертками осторожно подлетели и начали заглядывать в холст, даже Королева была тут.

Сначала на холсте появилось зеленое сияние — мой мазок передал мягкий, потусторонний свет мха. Затем я несколькими точными движениями обозначил исполинские корни Великого Тиса, темные и древние. Потом переключился на пикси. Я не пытался передать все один

в один, да и большинство пирующих уже разлетелось или выглядывало у меня из-за спины. Лишь несколько уснуло за столом, а еще парочка играла с оберткой.

Когда пикси заметили, что их начали рисовать, они даже ахнули, чуть не сбив меня с ритма.

Вот я широким мазком ярко-фиолетовой краски рисую Пип, которая в восторге парит над пустым блюдом из-под пирожных, перемазанная десертом. Вот два огонька, розовый и голубой, дерутся за одну блестящую обертку. А вот целая стайка пикси окружила крошечный эклер, как охотники — диковинного зверя.

Краски были непростые, они передавали не только цвет, но и свет. Например, светящийся мох мерцал и на картине, пикси тоже переливались оттенками. От нарисованного чая даже медленно исходил пар, а листья на холсте едва заметно колыхались, словно от теплых потоков воздуха. Минут через двадцать картина была готова.

Обернувшись, я заметил зависший в изумлении народец. Видно было, что им понравилось. И я был этим очень доволен. Через секунд десять одна из них все же смогла заговорить.

— «Он... он украл наш пир!» — испуганно прошептала одна пикси из толпы.

В смысле украл? Я сам застыл, как пикси.

— «Нет, глупенькая!» — немедленно ответила ей Пип, которая с восторгом смотрела на свой портрет. — «Он его сохранил! Смотрите! Вот я! А вот Тилли, она уронила карамельку! Точно как было!»

Королева подлетела совсем близко к холсту, внимательно изучая мазки.

— «Ты поймал мгновение, Салкрит», — ее музыкальный голос прозвучал с оттенком благоговения. — «Ты создал воспоминание, которое можно потрогать. Это сильная магия».

— Это просто хобби, — пожал я плечами. — Повесьте где-нибудь. Если хотите.

Я широко зевнул, прикрывая рот тыльной стороной ладони. Аристократическая скука на моем лице сменилась сонливостью.

— После перехода в новый эфирный климат вечно тянет в сон, — пробормотал я, потягиваясь. — Я тут вздремну пока что.

Пип, услышав это, тут же прекратила любоваться картиной и подлетела ко мне, вся во внимании.

— «Спать? Салкрит хочет спать? Конечно! Отдыхай, отдыхай!» — она начала деловито суесться. — «Здесь! Прямо здесь, у корней Тиса! Самое теплое и безопасное место во всем Лесу!»

Я не возражал. Место и вправду было отличным. Гигантский корень Великого Тиса, покрытый толстым, мягким и теплым мхом, образовал идеальное естественное кресло или, скорее, ложе. Я устроился на нем, откинувшись на живую, светящуюся "подушку". Хорошо, что мох не красит камзол, чистить бы замучился.

— «Ш-ш-ш!» — скомандовала Пип, носясь над поляной и разгоняя любопытных пикси. — «Тихо! Все тихо! Конфетный Король спит!»

Пикси не разлетелись. Они уселись на ветках и грибных шляпках вокруг поляны, наблюдая за мной с благоговейным любопытством.

— «Да, Пип тут явно стала главной после Королевы», — подумал я, закрывая глаза.

Лес послушно стих. Хихикающие грибы умолкли. Шепчущие лианы понизили свой шепот до едва слышного бормотания. Даже мелодичный звон кристаллических нитей на Тисе, кажется, стал тише, превращаясь в нежную колыбельную. И я заснул почти мгновенно.

По внутренним часам я проспал часов семь, не меньше. Глаза открылись сами собой. Меня разбудил не внешний раздражитель, а переполнявшее тело чувство абсолютного покоя и свежести. Кажется, мне снилось, как Пип летала за кабаном и пыталась надеть на него шапку из фантика... а может, это просто случайные мысли. В любом случае, я был полон сил. Опре-

делить, день сейчас или ночь, в лесу было невозможно. Тут, как я понял, всегда было светло от мха и грибов.

Первое, что я увидел — это Пип. Она спала, свернувшись крошечным калачиком у меня на груди, на бархате моего камзола. Ее фиолетовое сияние потускнело до едва заметного мерцания, а крылышки были расслабленно сложены. Рядом с ней лежала пустая обертка от конфеты, которую она обняла как плюшевого мишку.

Другие пикси тоже дремали. Поляна была усыпана крошечными огоньками, как звездное небо — они спали в дуплах, на грибных шляпках, покачивались в гамаках из лиан.

Потом взгляд переместился на картину. Надеюсь, они не будут поклоняться мне как божеству, потому что картина сейчас выглядела словно какая-то святыня. Рамка холста теперь была увита крошечными, светящимися цветами, которых раньше не было. К уголкам были прикреплены капельки застывшей, сияющей росы.

Я немного пошевелился, тем самым разбудив Пип. Она моргнула и тут же вскочила.

— «Стой, кабанчик...» — сонно сказала она, а потом окончательно проснулась, и ее фиолетовый свет вспыхнул ярко.

Очевидно, мне приснился сон Пип: ее мысли все так же звучали в моей голове, даже когда она спала.

— «Салкрит проснулся!» — радостно зазвенел ее голосок у меня в голове, тут же разбудив половину поляны. — «Ты спал! Долго-долго! Ты голодный? Хочешь нектара? Или...» — она виновато посмотрела на пустую обертку. — «..Или пирожных?»

— Нектара? — я с любопытством приподнял бровь. — А что у вас за нектар?

Пип моментально взбодрилась, словно только и ждала этого вопроса. Ее сияние стало ярко-желтым, цветом чистого восторга.

— «Нектар?! Это же... это же нектар!» — запищала она, явно считая, что само слово все объясняет. — «Это не твоя горькая горячая вода-из-листьев! Это... это слезы луны! Которые мы собираем!»

Я недоуменно посмотрел на нее.

— «Смотри!» — она указала вверх, на исполинские ветви Великого Тиса.

Я пригляделся и увидел то, чего не замечал раньше: высоко-высоко, среди кристаллических нитей, росли большие, похожие на лилии цветы. Они светились мягким, жемчужным светом и, кажется, тянулись так высоко, что пробивались сквозь плотный лиственный купол леса навстречу лучам двух лун.

— «Это Лунные Чаши!» — с гордостью объяснила Пип. — «Они цветут только здесь, на Тисе! Они ловят свет лазурной луны, и ночью...» — она понизила голос до заговорщицкого шепота. — «...они плачут! И их слезы — самые сладкие, самые волшебные во всем Лесу!»

— «Он прохладный, как первый снег, и сладкий, как поцелуй бабочки! И он...» — она сделала в воздухе кульбит. — «...он заставляет твои крылышки жужжать быстрее! А еще от него снятся цветные сны! Хочешь? Хочешь?! Я мигом!»

Не дожидаясь моего ответа, Пип сорвалась с плеча и, как фиолетовая стрела, устремилась вверх, к сияющим цветам на вершине Тиса.

Мне оставалось лишь обдумывать ее слова. Заставляет крылышки жужжать быстрее? Это как кофеин? Тогда при чем тут сны? От него клонит в сон? Непонятно.

— Ладно, — вздохнул я, наблюдая, как искорка ловко петляет между светящимися ветвями и кристаллическими нитями, и на всякий случай достал из пространственного кармана флакон с противоядием.

Глава 4

Через минуту Пип вернулась. Она летела медленно и очень аккуратно, держа в обеих руках большой, свернутый в виде чаши лист, который светился изнутри. Она с гордостью протянула его мне. Другие пикси снова окружили меня в ожидании.

— «Вот!» — зазвенел ее голосок. — «Пей! Это самое-самое лучшее!»

Я аккуратно взял лист, стараясь не разлить жидкость. Она выглядела точь-в-точь как расплавленный жемчуг, переливаясь серебристым и лазурным светом, и от нее исходил легкий, прохладный пар и тончайший аромат ночных цветов. Я еще раз посмотрел на Пип. Пробовать это мне совершенно не хотелось. Но та выглядела уверенно. Ладно, раз пикси такое пьют...

Я принялся. Пахло действительно нектаром.

— Ну, отпуск так отпуск, — сказал я и сделал глоток.

Ух! Вкус взорвался во рту. Это была прохлада, как будто я вдохнул чистейший горный воздух. За ней последовала волна сладости, но не приторной, как сахар, а сложной, многослойной — с нотками дыни, жимолости и чего-то еще, чего я никогда раньше не пробовал, чего-то... лунного.

Я не почувствовал ни опьянения, ни сонливости. Вместо этого по телу разлилось ощущение невероятной ясности и легкости. Будто с меня смыли пыль тысяч миров. Усталость, о которой я даже не подозревал, ушла.

— Ух ты! Это тонизирующее средство! И очень вкусное. Так, важно понять, будет ли от него откат, — я начал быстро ходить взад-вперед, а мысли текли рекой. — Очень недурно, не такой сильный эффект, как от азмрийской настойки ясности.

Пип, услышав это, буквально вспыхнула от гордости и радости.

— «Очень вкусное! Да! Я знала! Я знала, что тебе понравится!» — запищала она. — «Пей! Пей все! Я еще принесу!»

— Да, определенно немного напоминает ту настойку. Она, конечно, очень сильное тонизирующее средство — помню, как Альби открыл бутылку страха, и после этого без нее было не обойтись.

— «Настойка Азм... мрий... азрими... азмя?» — зазвенел ее голосок у меня в голове. Она с трудом попыталась выговорить незнакомые звуки, но бросила это неблагодарное дело и переключилась на другое. — «Бутылка страха?»

Ее сияние на мгновение потускнело и стало тревожно-желтым.

— «Зачем твоему Альби понадобилось это? Он открыл бутылку, а там был страх? Фу! Как ужасно!» — она вся съежилась. — «Это как тот толстый-жадный вор, да? Он, наверное, пах страхом!»

Она тут же встряхнулась, и ее свет снова стал победно-фиолетовым.

— «Наш нектар — лучше! Он не "легкий", он счастливый! От него не лечатся, от него поют песни! И он не от страха, он от луны!»

Она решительно посмотрела на меня, явно придя к выводу, что мой «бальзам» — это какая-то неприятная микстура, а ее нектар — настоящий деликатес.

— «Хочешь еще? Еще счастливого нектара? Я принесу!» — предложила она, гордая тем, что ее угощение оказалось не менее приятным, чем какое-то страшное лекарство.

— Спасибо, — я вернул ей пустой лист. — Я возьму немного с собой, потом изучу подробнее.

— «Изу-чить?» — ее голосок озадаченно зазвенел у меня в голове. — «Зачем изучать? Его же пьют! Чтобы радоваться!»

Я усмехнулся. «Радость» — это, конечно, хорошо, но состав жидкости, влияющей на восприятие и сотканной из лунного света, — это уже интересно. Отпуск — не повод терять любопытство.

— Просто привычка, — ответил я. — Так ты принесешь?

— «Конечно!» — Пип, хоть и не поняла моих мотивов, тут же с радостью согласилась. — «Самую большую чашу! Мигом!»

Она снова сорвалась вверх и через минуту вернулась, на этот раз с трудом удерживая огромный, сияющий лист, свернутый кубком. В нем плескалась изрядная порция жемчужного нектара.

Я достал пустую колбу из кармана, залил в нее жидкость и спрятал обратно.

— «Очень-очень странный ты, Салкрит, нектар нужно пить!» — наконец решила она, но ее сияние снова стало веселым. — «Но хороший! Ладно! Ты поспал! Что теперь? Будем летать наперегонки? Или... или... о, я знаю! Пойдем, я покажу тебе Поющие Камни!»

— Что за Поющие Камни? — я с любопытством склонил голову.

Мой вопрос вызвал у Пип очередной взрыв восторга. Она едва не подпрыгнула в воздухе.

— «Да! Поющие Камни!» — зазвенел ее голосок у меня в голове. — «Ты что, никогда не видел Поющих Камней? Ой, тебе понравится!»

Она начала летать вокруг моей головы быстрыми кругами, оставляя фиолетовый след.

— «Они большие! Выше тебя! Даже выше тебя с твоими крыльями!» — хвасталась она. — «Они стоят на краю леса, у самого Сонного Ручья, там, где мы вошли. Они очень-очень-очень древние! Древнее, чем Тис, наверное!» — тут она понизила голос до шепота, оглядываясь на Великий Тис, словно боясь, что он ее услышит. — «...хотя, может, и нет. Но все равно древние!»

Она снова подлетела к моему лицу.

— «И они поют! Когда ветер дует правильно, или когда мы поем им Приветственную Песню, они начинают гудеть! Будто внутри них живут тысячи сонных шмелей! Они поют песни о земле, о небе и о корнях! Это так красиво! Бууу-вууум-вииии...»

Она попыталась изобразить их пение, издав тонкий, вибрирующий звук, похожий на жужжание.

— «Пойдем! Пойдем, Салкрит! Я спою им, и они споют тебе! Они никогда не слышали, как пахнут звезды! Может, они споют новую песню!»

Она нетерпеливо дернула меня за длинную прядь моих каштановых волос, явно торопясь показать свое следующее чудо.

— Ну пойдем, пойдем, мой экскурсовод. Послушать музыку в отпуске — святое дело.

— «Ура!» — она взвизгнула и сорвалась с места, устремившись прочь с поляны Великого Тиса. — «За мной, Салкрит! Не отставай!»

Я неспешно поднялся со своего мшистого ложа, отряхивая с камзола невидимую пыль, и последовал за ней. Другие пикси провожали меня любопытными взглядами, а некоторые, осмелев, увязались следом, держась на почтительном расстоянии.

— «...а это плачущий мох! Он грустит, когда нет дождя! А вот там — дупло Старины Уха! Тс-с-с! Он опять спит, не будем его будить... Ой, смотри! Смеющийся гриб! Давай наступим, он будет шекотаться!»

Я элегантно обошел упомянутый гриб, не желая проверять его чувство юмора.

Через несколько минут мы вышли на небольшую опушку, прямо на берегу Сонного Ручья. И я увидел их.

Это были три огромных, гладких валуна высотой с двухэтажный дом. Они стояли в идеальном треугольнике, почти касаясь друг друга. Камни не были похожи на местную породу — они были иссиня-черными, и их поверхность, казалось, поглощала свет, а не отражала его. В них были проделаны сотни отверстий разного размера, от крошечных, как игольное ушко, до

больших, в которые мог бы пролезть и я сам. Отверстия эти были гладкими, словно их высверлила вода или ветер за тысячи лет.

— «Вот они!» — прошептала Пип. — «Поющие Камни! Они ждут! Сейчас... сейчас я спою им...»

Она набрала в свою крошечную грудь побольше воздуха.

Я быстро выхватил КУС из кармана и включил запись. Поющую пикси я еще не видел, а уж Камни — тем более.

И она начала петь. Ее голос — тонкий, высокий и чистый, как звон кристалла. Но это был не просто звук. Ее пение было самой магией. Она пела не слова, а ноты, которые складывались в сложную, древнюю мелодию.

Когда земля задрожала, я чуть не споткнулся. Землетрясение? Тут? Но, кажется, Пип совершенно не обратила на это внимания. Это камни так поют?

Низкий рокот, который сначала доносился из-под земли, поднялся вверх. Голос Пип становился громче и увереннее, гул нарастал. Ветер, словно повинувшись ее зову, сменил направление и ворвался в сотни отверстий в камнях.

Камни ожили.

Они начали «петь». Это был глубокий, вибрирующий, многоголосый звук. Каждое отверстие издавало свою ноту. Маленькие свистели, как флейты, большие гудели, как трубы неведомого органа. Мелодия была сложной, нечеловеческой, одновременно тоскливой и величественной. Она говорила о медленном течении времени, о тяжести земли и о свободе ветра. Я понимал это интуитивно, как будто камни усилили способность пикси общаться мысленно и теперь передавали еще и эмоции.

КУС бесшумно записывал все: крошечную, ярко светящуюся фиолетовую фигурку Пип, которая дирижировала этим оркестром, и три гигантских черных монолита, поющих ей в ответ.

Пип пела несколько минут, полностью отдавшись музыке. Затем ее голос стих, и она сделала изящный поклон. Камни гудели еще несколько секунд, и их музыка медленно затихла, растворяясь в шелесте ив у ручья.

Наступила тишина.

— Весьма... масштабно. Для такой крохи. И несомненно прекрасно. Ты умеешь удивлять, Пип! — сказал я, прислонив КУС к дереву для лучшего ракурса. — А если я попробую?

Пип, сияя от похвалы, уселась на ближайший камень, готовая слушать.

Я снова, уже привычным жестом, провел указательным пальцем в воздухе...

Из мерцающей пустоты появился инструмент. Он был сделан из темного, почти черного дерева, отполированного до зеркального блеска, с элегантными серебряными инкрустациями вдоль грифа. Гитара. Она выглядела в этом древнем, первобытном лесу чужеродно, но в то же время идеально вписывалась в мой образ.

— «Что это?» — прошептала Пип у меня в голове. — «Похоже на лютню... она пахнет твоими звездами...»

Я не ответил. Я перебрал струны.

Звук, который родился в тишине — чистый, мелодичный. Он не подражал ветру или воде, он рассказывал историю.

И я начал петь. Мой голос — бархатный, лирический тенор — нес в себе ноты легкой усталости и изрядного, специфического опыта, который неизбежно накапливаешь на заданиях Гильдии.

Я пел о чем-то своем, о том, что принес из-за той двери между мирами. О пустоте, которая ждет снаружи, о нарисованных мирах и о том, как создатель иногда устает. Мелодия лилась, тихая и меланхоличная, полная усталости, которую я постоянно прячу за шутками и чаем.

Пип перестала жужжать крылышками. Она не понимала слов, но идеально ловила эмоцию. Ее сияние потускнело, становясь из фиолетового задумчиво-синим. Она наклонила голову, слушая эту странную, красивую грусть.

— «Салкрит...» — тихо зазвенело в моей голове. — «...мне... мне вдруг стало так грустно! Будто все-все пирожные в мире кончились!»

Я улыбнулся, не прерывая игры. Но вот музыка изменилась. Меланхолия ушла. Я взял мощные, настойчивые аккорды. Припев. Голос окреп, в нем появилась воля, которая заставляет идти дальше. Я пел о том, что даже если мир ужасен, всегда можно придумать себе новый, светлый мир. О том, что нужно идти навстречу судьбе, никого не виня.

И в этот момент Поющие Камни, которые молчали, ответили. Это была не песня, которую они пели для пикси. Это был глубокий, вибрирующий, басовый гул, идущий из самых недр земли. Они резонировали. Древние, как мир, они откликнулись на эту песню о создании миров и воле к жизни. Мой голос сплелся с их древним гудением.

Я взял последний, мощный аккорд. Он прокатился эхом и затих. На опушке воцарилась абсолютная тишина. Пип сидела на камне, широко раскрыв свои фиолетовые глаза, и просто смотрела на меня.

— «А потом как нектар! Только из звука! Стало так... сильно! И светло! Как ты и пел!» — она с восторгом посмотрела на Поющие Камни. — «И Камни! Они никогда так не делают! Они слушали тебя! И гудели! Они гудели про то, что ты пел! Они... мне кажется, они с тобой согласились!»

Я взял в руки КУС и нажал кнопку «отправить».

Пип тут же уселась мне на плечо, сгорая от любопытства, чтобы тоже посмотреть на «говорящие значки».

На экране — новая порция сообщений. Видео с песней Пип и камнями, а следом — мое собственное выступление, явно произвели фурор.

[Элара Сияющая]: САЛКРИТ! Сначала пикси, теперь ПОЮЩИЕ КАМНИ?! Это же... это же магия резонанса в чистом виде! Они отвечают на живой голос! Какая акустика! Какая гармония! А потом... это ТЫ поешь? О, Великий Космос, я сейчас расплачусь, это так красиво и так... меланхолично. Пожалуйста, пожалуйста, запиши еще! Нам в архив! (И да, К'Тарр опять ворчит, не слушай его!)

[К'Тарр]: Ты опять прислал ШУМ. Сначала — ПИСК ПИКСИ. Теперь — ГУЛ. А потом ты сам ЗАВЫЛ, КАК БАНШИ В БРАЧНЫЙ ПЕРИОД. У меня из-за твоих «Гармоний» КОСТИ ВИБРИРУЮТ. Работать невозможно. Конфеты не забудь.

[Воррн Громобой]: Поющие камни — это сильно. Твой вой — нет.

[Корбан Элегантный]: Огонь! И это я не про вулканы! Ты немного остудил мое настроение. А если серьезно, то атмосферно, Пип супер! Поющие камни — это действительно сильно, как и сказал @Воррн. Меня только не хватает, но сам понимаешь: работа не волк, а ифрит. Пашу в поте лица!

На секунду я заметил свое отражение в КУСе. Абсолютно дурацкая улыбочка. Я всегда такой, когда читаю наш чат? Ну и ладно, еще одна черта в мою идеальность.

— «Ну что там?! Что?!» — зазвенел ее голосок. — «Твои друзья-огоньки рассердились, что ты поешь лучше меня? Или им понравилось?! Они придут в гости петь с камнями?!»

— Им очень понравилось, как ты поешь.

Не стал вдаваться в подробности, что Эларе понравилось все, а К'Тарр назвал это «писком». Воррн — ну, это Воррн. А Корбан всегда поддержит, даже если было ужасно.

Ее реакция была мгновенной.

— «Правда?!» — она буквально взорвалась ярко-розовым сиянием, цветом чистого, незамутненного восторга. Она сорвалась с моего плеча и начала носиться в воздухе быстрыми, хаотичными кругами.

— «Ура! Ура! Ура! Я понравилась друзьям-огонькам!» — звенел ее голосок. — «Я! Понравилась! Им!»

Она сделала тройное сальто и зависла прямо перед моим лицом, сияя так ярко, что мне пришлось даже слегка прищуриться.

— «Я знала! Я знала, что моя песня самая лучшая! Я — лучшая певица во всем Лесу! Королева будет так гордиться!»

Она была так возбуждена, что, казалось, вот-вот лопнет от счастья.

— «А...» — она внезапно остановилась и посмотрела на меня с хитрым прищуром. — «А твоя песня? Им тоже понравилась? Ты ведь тоже хорошо пел! Ну, для Высокого. Почти так же хорошо, как камни!»

Я пою почти так же хорошо, как камень. Ну спасибо.

Я тяжело вздохнул:

— Понравилось. Хотя Воррну больше понравились камни.

— «Воррн?» — она попробовала новое имя на слух у себя в голове. — «Это тот, у которого сжатый кулак? Хм!»

— «Ну, значит, у него хороший вкус!» — авторитетно заявила она. — «Камни и правда поют очень хорошо! Почти так же хорошо, как я!»

— «Ну вот! Мы спели! Камни спели! Твои друзья-огоньки послушали! Что дальше, Салкрит?» — она нетерпеливо топнула ножкой. — «Мы же в отпуске! Отпуск не должен стоять на месте! Пойдем, я покажу тебе... хм-м-м... Светящиеся Водопады! Они далеко, но оттуда видно весь Лес! И они такие шумные!»

— Мы? Ты теперь тоже в отпуске?

— «Мы?» — ее голосок озадаченно зазвенел у меня в голове. Она на

— «Ну... да!» — радостно заявила она. — «Конечно, мы!»

Она подлетела к моему лицу, ее глаза сияли.

— «Ты же в отпуске, да?»

Я кивнул головой.

— «А "отпуск" — это летать, пить чай, есть пирожные, рисовать картины и петь с камнями? Так?»

— Ну, в каком-то смысле да...

— «Я тоже все это делаю!»

Она сделала в воздухе победный кулбит.

— «Это же самый лучший "отпуск" в моей жизни! У меня теперь тоже отпуск!»

С этими словами она уселась мне на плечо, сияя от гордости за свое открытие.

— «Так что да. Мы в отпуске. И наш отпуск должен немедленно идти к водопадам! Там так шумно и мокро! Пойдем, Салкрит!»

— Ну, раз отпуск должен, то пошли, не будем его расстраивать.

— «Урааа!»

Пип взвизгнула, сорвалась с моего плеча и, как фиолетовый снаряд, устремилась в чашу, прочь от Сонного Ручья и Поющих Камней.

— «На этот раз — точно не отставай! Водопады далеко! На том краю Леса!»

Пип носилась впереди, болтая без умолку и комментируя все подряд.

— «Смотри, Салкрит! Это Роща Сонных Мхов! Если лечь здесь, проспишь сто лет! Но мы не будем, отпуск же! Ой! А это...»

Она внезапно остановилась и спряталась за мою ногу.

— «Тс-с-с...» — прошептала она мне в голову.

Я остановился и прислушался. Сквозь обычный лесной шепот я услышал что-то еще — тяжелые шаги и низкое, недовольное ворчание.

Из-за поворота тропинки, вздыхая, брело существо.

Глава 5

Это был медведь? Пожалуй. Если бы медведь был высотой в три метра, ходил на задних лапах и был полностью покрыт не шерстью, а густым зеленым мхом, из которого тут и там росли поганки. У него были маленькие сердитые глазки-бусинки и огромная пасть, из которой торчали деревянные клыки. В одной лапе он сжимал большую корзину, сплетенную из корней.

— «Это Мохобрях», — испуганно прошептала Пип. — «Он Леший! Он не злой. Но он о-о-очень сердитый! И он не любит шум! И он не любит...» — она с опаской посмотрела на мой камзол, «...когда хорошо пахнет. Он говорит, это "не по-лесному"!»

Леший-медведь заметил нас. Он остановился, тяжело засопел, и его нос-шишка дернулся, принюхиваясь.

— Фр-р-р? — проворчал он, его голос был похож на скрип гнилого дерева. — Опять мелочь порхает... шумит... А это, это что?

Его маленькие глазки устремились на меня без тени страха, но с огромным, вселенским недовольством.

— Пахнет не лесом! Пахнет чистотой! — он брезгливо поморщился. — Опять Королева гостей водит? Зачем? Лес — для леса! А не для таких! У-у-у!

— Опять? У вас частенько гости, а я и не заметил.

— Гости?! — его голос звучал как треск старого пня. — Хрр-м! Слишком часто! Вечно!

Он сердито покосился на Пип, которая тут же спряталась за мой сапог.

— То эта... — он неопределенно махнул своей огромной мшистой лапой в сторону феи, — ...мелочь пищит. То Королева водит вот таких! Блестящие! Шумные! Пахнете не лесом! Не гнилью! Пахнете чистотой! Фу! — брезгливо фыркнул он. — Все ходите, мох мой мнете! Кричите!

Он что, подслушивал? Мы вроде вели себя тихо. Хотя землетрясение... Наверное, весь лес нас слышал.

— Была б моя воля... хрррм... никого б не пускал! Лес — для леса! Лес спать хочет! А вы орете! Мешаете!

Не дожидаясь ответа, Мохобрях издал последний недовольный рык, отвернулся и тяжело побрел дальше по тропинке, ворча себе под нос что-то про «понаехали» и «никакого покоя старому лешему».

— «Уф-ф-ф! Ушел!» — прошептала Пип. — «Я же говорила, он сердитый! Но ты ему понравился! Наверное... Он тебя даже... это... не стукнул! Обычно он кидается шишками! Пойдем-пойдем, Салкрит, быстрее, пока он не передумал!»

— Кидается шишками? Это нужно будет потом зарисовать и ему подарить, забавная картина выйдет.

— «Зари-совать?» — ее голосок зазвенел, полный любопытства, смешанного с легкой тревогой. — «Мохобряха? А он не разозлится еще больше?»

Она задумалась. Ее крылышки слегка подрагивали, пока в маленькой головке шла напряженная борьба между страхом перед Лешим и жадой увидеть что-то новенькое.

— «Но если ты ему подаришь... Это же как пирожные! Может, он тогда не будет так сильно сердиться? Ой, представляешь! Мохобрях и его картина! На картине он кидается шишками! Он будет такой довольный! Наверное... Да! Давай! Но сначала — водопады! А потом — Мохобряха рисовать! Это будет весело!»

— «Пойдем! Пойдем, Салкрит! Водопады ждут!» — Пип снова сорвалась с места, устремляясь в глубину леса.

Мы шли двадцать минут, не меньше. Сначала звук был едва слышен, но постепенно шум нарастал: глубокий, рокочущий гул, который я сначала принял за песню Поющих Камней, но он был мощнее и непрерывнее.

— «Слышишь?! Слышишь?!» — звенела Пип, перекрикивая нарастающий грохот. «Этo они! Шумят!»

Мы вышли из-за последнего ряда гигантских деревьев, и вид захватил дух.

Широкий уступ, а перед ним — огромная впадина, или, скорее, долина. С противоположной ее стороны, с высоты, которую трудно было определить в этом сияющем полумраке, низвергались потоки воды.

Но это была не просто вода. Это была светящаяся вода. Она была ярко-лазурной, как та, меньшая луна в небе. Вода светилась изнутри, разбиваясь о скалы внизу тысячами брызг, похожих на сапфиры. Шум стоял оглушительный. Из-за этого сияния вся долина была наполнена голубым светом, который смешивался с зеленым сиянием леса, создавая нереальные, бирюзовые и аквамаариновые тени.

— «Ну?! Как?!» — кричала Пип, летая кругами в радужной водяной пыли. — «Этo Светящиеся Водопады! Вода из Сонного Ручья падает сюда, а потом утекает под землю! Прямо в гости к земляным червякам!»

— «И смотри! Смотри отсюда!»

Я посмотрел вдаль. С этой высокой точки мне действительно открывался невероятный вид: зеленые, изумрудные и малахитовые огни — это были мхи и грибы. Россыпи крошечных, мерцающих огоньков — деревни пикси. Где-то в центре этого зеленого ковра возвышалась исполинская, сияющая радугой тень — Великий Тис. А далеко-далеко, на самом краю, виднелись три черных точки — Поющие Камни.

— Ого! — признал я, перекрикивая шум. — Но громковато как-то. Чувствую себя К'Тарром: голова сейчас лопнет от шума. Но вид, конечно, впечатляет. Почти как в Гильдейской Оранжеее, только тут без эфирных камней. Такое точно нужно будет зарисовать. Подарю две картины Мохобрюху, так и быть.

— «Две?!» — ее голосок зазвенел от предвкушения. — «Для Мохобрюха?! Он умрет от радости! Наверное... Он будет такой сердито-довольный!»

Я снова достал мольберт. Нет, это был какой-то кошмар. Ладно еще один водопад, это я еще худо-бедно мог стерпеть. Но тут еще Пип под руку бубнила. Так дело не пойдет. Я создал звукопоглощающий прозрачный барьер, настроенный на звук водопада. Фух, даже дышать легче стало. Пип даже не заметила изменений в эфирном фоне. Либо я учусь, либо Пип тот еще «великий маг».

Я взялся за кисть. Главное — этот кислотно-голубой цвет. Пришлось потратить почти весь тюбик «Лазурного Сияния», чтобы передать этот нелепый, но яркий оттенок. Потом — брызги. Это просто светлые точки, несложно. Потом — зеленый ковер. С этого места он выглядел как... ну, зеленый ковер. Тис, камни. Готово. Импрессионизм.

— «Ух ты...» — Пип, которая все это время наблюдала за моими движениями, произнесла это так тихо, что ее голосок едва был слышен даже сквозь барьер. Ее сияние стало чистым, благоговейным. — «Этo... этo наш дом... Ты сделал его... ты сделал его еще красивее, Салкрит!»

— Надо бы фото друзьям скинуть, — пробормотал я, глядя то на холст, то на грандиозный пейзаж. Картина — это хорошо, но «сувенир» — это святое.

Пип с любопытством наблюдала, уже зная, что сейчас произойдет «магия сувенира».

Я снова достал КУС, наводя его на долину. В кадр попало все: и оглушительный, сияющий лазурный поток воды, и раскинувшееся под нами море изумрудного леса, и даже моя собственная, только что нарисованная работа, скромно стоящая на уступе.

Дурацкую вспышку я наконец-то выключил, до сих пор никак не мог найти эту кнопку.

Можно было бы записать видео, но держать КУС, пока он пишет панораму, мне было откровенно лень. Хватит с них и фотографии. Я быстро провел пальцем по пластине, отправляя снимок в чат Гильдии. Наверняка это вызовет новую волну комментариев о том, что я «опять нашел райский уголок, пока все работают». Что ж, они сами виноваты, отпуск нужно брать. Хотя учеба и работа в Гильдии действительно увлекательная штука — сам не заметил, как двадцать лет на одном дыхании посещал занятия и выполнял задания, и вот я уже в принудительном отдыхе. Не в первом, к слову говоря.

Бедная Пип все это время ждала вспышку и почти не махала крылышками, стараясь мне не мешать. А я уже все сделал.

Ловкое движение — и вот КУС исчез в моем кармане.

— «Твои друзья-огоньки увидят наш водопад!» — радовалась Пип. — «Они не промокнут от твоего сувенира?»

— Хах, не промокнут. — Хорошо живете: и вода, и нектар, и музыка.

Пип, услышав это, горделиво выпятила свою крошечную грудь. Ее сияние стало ярким, почти солнечным.

— «Конечно, хорошо!» — с гордостью зазвенел ее голосок. — «У нас самый лучший Лес! У нас есть Великий Тис, он мудрый! И Поющие Камни, они громкие! И водопады, они мокрые и красивые!»

Она сделала сальто в облаке водяной пыли.

— «А еще у нас есть смеющиеся грибы! И шепчущие лианы! И Старина Ух! И... теперь у нас есть Салкрит! Который пьет чай в небе и рисует картины!»

— «Твой "отпуск" — самое лучшее, что случалось в Лесу со времен, когда Старина Ух уронил в ручей лунный орех!» — авторитетно заявила она.

Я на секунду задумался, пытаюсь представить некоего Уха, роняющего светящийся орех в воду, но решил, что местный фольклор лучше оставить на потом.

— «Так! Ты сделал "сувенир"! Ты нарисовал картину! Теперь... теперь точно идем рисовать Мохобрюха?! Да?! Это будет так смешно!»

— Конечно! — усмехнулся я. — Как же его не нарисовать!

— «Да! Да! Да!» — Пип буквально взорвалась от восторга, носясь вокруг моей головы и оставляя фиолетовые росчерки. — «Это будет лучшая картина! "Мохобрюх кидается шишкой"! Ой, скорее! Я, кажется, знаю, где он! Он пошел к Гнилой Топи, он там собирает самых жирных слизняков для... фу... ужина!»

Я убрал все принадлежности, оставив в руке холст с водопадами, и отправился за Пип.

— «За мной, Салкрит! Быстрее, пока он не съел всех слизняков и не лег спать!» — командовала Пип, устремляясь обратно в чашу.

Мы снова погрузились в изумрудный полумрак. Мы шли по другой тропинке, и лес здесь становился менее дружелюбным. Светящийся мох редел, уступая место темным, корявым корням и лужам стоячей воды, пахло болотным газом, гнилью и тиной. Воздух становился тяжелым.

Я до последнего надеялся на свою ловкость — постоянно держать плетение левитации, пусть и самое слабое, в отпуске было банально лень. Этот лес меня совсем расслабил. Но в какой-то момент... БУЛЬ... И тут я чуть не завыл. Мои сапоги были испорчены. Минут двадцать колдовал над ними, пытаюсь очистить бытовой магией. Вроде получилось. В конце концов пришлось использовать тихий шаг — левитацию на сантиметр над поверхностью.

Продвигаться пришлось не только тихо, но и медленно. Это заклинание было достаточно сложным, намного сложнее полета. Когда летишь высоко, у тебя уйма пространства для маневра. А здесь нужно постоянно удерживать высоту в сантиметре от земли, молниеносно подстраиваясь под меняющийся рельеф, коряги и кочки. Обычно маги сначала в совершенстве

осваивают обычный полет, а уже потом переходят к «тихому шагу», и я все еще оттачивал этот навык.

Наконец мы вышли на край большой, чавкающей поляны, затянутой туманом. Это, очевидно, и была Гнилая Топь. И посреди нее, по колено в грязи, стоял Мохобрюх.

Вот ты где, гад! Теперь только попробуй не дать тебя нарисовать!

Тихий шаг позволил добраться до него беззвучно, чем я и воспользовался. Я достал мольберт и поставил его на участок, похожий на землю. Повезло, он не пошел ко дну. Достал остальные принадлежности и начал быстренько зарисовывать пейзаж, оставив самого лешего на десерт.

Мохобрюх в это время был чем-то очень занят. Он ворчал, скрипел и с недовольным «хрррм!» вытаскивал из топи длинные, похожие на щупальца корни. Он не слизняков собирал, а чинил какую-то подводную плотину. Он был весь перепачкан в грязи и выглядел еще более сердитым, чем при нашей первой встрече.

Главное, что он пока не обращал на меня внимания. А я уже творил свое черное дело. На холсте появлялись первые краски. Все тот же зеленый мох, но другой оттенок — цвет более приглушенный, более болотный. Корни тут и там. И я не смог удержаться и не нарисовать, как булькает болото. На картине начали появляться пузырьки, беззвучно лопааясь.

Пип в это время застыла у меня за плечом, иногда с опаской поглядывая на Мохобрюха, но не шумела.

И когда осталось нарисовать самого Лешего, он решил развернуться. И, конечно же, он заметил нас.

— Опять?! — его рев был похож на треск ломающегося дерева. — Ты?! Блестящий?! Что тебе надо?! Я. Занят! Лес сам себя не починит! Уходи! И мелочь свою писклявую заведи!

— «Сейчас! Сейчас он будет кидаться!» — восторженно прошептала Пип у меня в голове, прячась за плечом.

— Я пришел нарисовать тебя, — спокойно сказал я ему.

Мохобрюх застыл. На мгновение его мозг пытался обработать эту информацию.

— Нари... совать? Меня?! — он выпрямился во весь свой трехметровый рост, и с него шлепками падала грязь. — Ах ты ж... ах ты ж... чистый варвар!

Варвар? Что? Почему? Я что-то не так сказал?

Пока я недоумевал, Мохобрюх в ярости оглядывался, пока не нашел что-то очень грязное и скользкое. Он наклонился и выхватил своей огромной мшистой лапой из грязи... шишку? О нет, это был огромный корень, весь облепленный тиной!

— А ну, получай, пахнувший чистотой! — взревел он и с невероятной силой швырнул этот корень прямо в меня.

Моей единственной защитой оказался мольберт. Я инстинктивно крутнул его, разворачивая холстом вперед, и выставил перед собой как щит. Вбитые годами тренировок рефлекс боевого мага сработали мгновенно. Я не только инстинктивно крутнул мольберт, выставляя его перед собой как физическую преграду, но и успел накинуть на себя мерцающий купол личного щита, попутно укрепив сам холст плотным плетением.

ВЖУХ! ШМЯК! ХРУСТ!

Корень ударился в самый центр холста, разломился, и часть его пролетела куда-то дальше. Я осторожно выглянул и, убедившись, что новых снарядов не предвидится, развеял щит. Посмотрел на разъяренного Мохобрюха, потом на холст. И увидел, как часть корня прилипла... к полотну. Он врезался в свежую, волшебную краску и стал частью картины. Это уже не просто картина, это целая инсталляция! Не хватало лишь главного объекта. И так удачно ведь прилипло!

Я быстро схватил кисть и сделал пару движений. Достаточно было нарисовать большое грязевое нечто. В два мазка я создал его силуэт и дорисовал ему черные глаза. Идеально!

На картине был запечатлен он — разъяренный, могучий, в самом пике своего лесного гнева, вместе с реальным корнем, как будто Мохобрюх хочет кинуть его прямо с холста.

Мохобрюх тем временем застыл. Густой зеленоватый мох на его загривке вдруг встал дыбом — видимо, от культурного шока. Он сделал полшага назад и издал какой-то сдавленный, глухой звук, совсем не похожий на его недавний грозный рев. Наверное, просто не ожидал, что искусство рождается так быстро.

— Это подарок, — радостно сказал я, делая шаг к нему.

Мохобрюх почему-то вздрогнул, издал странный высокий писк — прямо как мышь-переросток — и вжался спиной в какое-то гнилое дерево. Его глазки лихорадочно бегали от моего лица к картине и обратно. Надо же, как его пробрало! Настоящий ценитель.

Я протянул ему работу. Леший сильно зажмурился, словно ослепленный великолепием моего замысла, а затем очень осторожно, подрагивающей лапой потянулся к холсту. Дернул. Деревяшка прилипла намертво.

— Хрррм... — издал он тихий, озадаченный звук. — Это... я?

— «Он такой... такой... удивленный!» — запищала Пип у меня на плече, едва сдерживая смех.

— Это, — Мохобрюх нервно почесал свой мшистый затылок, стараясь не делать резких движений. — Это... сильно. Хм.

Он забрал у меня холст двумя лапами, не отрывая от меня настороженного взгляда.

— И корень. Мой корень. Ты его... поймал. Хррм.

— И это еще не все, — сказал я, передавая второй холст — тот, с водопадами. — Это тоже тебе. Чтобы было не так скучно.

Мохобрюх посмотрел на сияющий, лазурный водопад. Его маленькие глазки-бусинки на мгновение недовольно расширились. Он смотрел на шумную, яркую, «не-лесную» картину, а потом на свой портрет с гнилым корнем.

— Шумно, — предельно осторожно проворчал он. — Но... красиво. Хм. А это, — он кивнул на свой портрет, — это правильно.

Он держал обе картины, по одной в каждой лапе, и выглядел совершенно сбитым с толку, дерганым, но, вроде бы, довольным.

— Хрррм. Ладно, — буркнул он, бочком обходя меня по очень широкой дуге. — Можешь... ходить. Но не шуми!

Он развернулся и, на удивление резво для своих габаритов, бросился прочь в чашу, бережно прижимая к себе холсты. Побегал хвастаться, не иначе.

— Неплохо мы повеселились, да, Пип?

Пип, которая все это время пряталась у меня за воротником, едва сдерживая хихиканье, вылетела и начала носиться вокруг меня, как сумасшедшая.

— «Неплохо?! Салкрит, это было... это было...» — она искала слово, — «...это было Мохобрюшно! Ха-ха-ха!»

Ее голосок звенел от чистейшего восторга, она кувыркалась в воздухе, вспоминая сцену.

— «Ты видел?! Видел его лицо?!» — пищала она. — «Сначала он такой: "Rrrrr!", а потом: "Хрррм?" А потом ты поймал его гнилой корень! В картину!»

Она так смеялась, что ее фиолетовое сияние начинало мигать, как стробоскоп.

— «Он ушел с двумя картинами! Он теперь самый важный леший во всем Лесу! У него есть "Шумный водопад" и "Я кидаю корень"! Ой, не могу! Старина Ух лопнет от зависти!»

Она уселась мне на плечо, вытирая воображаемые слезы смеха.

— «Это... это был лучший "отпуск" в моей жизни! Ты самый веселый, самый странный и самый лучший Конфетный Король на свете, Салкрит!»

— Правильно! Меня нужно любить и хвалить! Наконец-то кто-то это понял.

— Кстати, о Старине Ухе, — я задумчиво хмыкнул, глядя в ту сторону, куда удалился довольный Мохобрюх. — Нужно бы ему тоже такой подарок сделать. А то все с подарками, а он обделен. Я бы обиделся, наверное.

Пип, которая как раз успокоилась от приступа смеха, мгновенно замерла. Ее сияние потускнело до бледно-лилового, тревожного.

— «Ста-ри-не У-у-уху?» — ее голосок дрогнул. — «Ой, Салкрит...»

Она нервно сглотнула.

— «Это... это не как с Мохобрюхом! Мохобрюх сердитый, но он ходит! Он ворчит! Его видно!» — она начала летать вокруг меня тесными, нервными кругами. — «А Старина Ух, он тихий! Он сидит в своем темном дупле и просто смотрит! У него огро-о-омные желтые глаза! И он не любит гостей! Совсем-совсем!»

Она опустила мне на плечо, и ее крылышки мелко задрожали.

— «Мохобрюх кидается корнями, а Старина Ух может спеть тебе Песню-Засыпайку! И ты уснешь прямо тут, в топи, и проснешься... никогда!»

Несмотря на свой страх, она видела мой невозмутимый, слегка насмешливый взгляд, и ее любопытство перевесило сомнения.

— «Но...» — прошептала она. — «...но если ты ему тоже что-нибудь подаришь... Может, он и не споет? Он ведь никогда не получал подарков!»

— Ага, наверное, потому что все его боятся.

Она решительно тряхнула головой, ее фиолетовый свет снова набрал силу.

— «Ладно! Мы же в отпуске! Отпуск должен быть смелым!» — заявила она. — «Пойдем! Я знаю его дупло! Оно недалеко отсюда, в Роще Сонных Мхов! Только... давай тихо-тихо?»

— Пойдем.

Мы вернулись с Гнилой Топи в более приятную часть леса, ту самую Рощу Сонных Мхов, о которой Пип упоминала ранее. Здесь действительно царила полудрема. Воздух был густым и сладковатым, пахло пылью и медом. Гигантские папоротники лениво покачивали своими листьями.

Пип остановилась и зависла в воздухе, указывая дрожащим крылышком.

— «Там.» — прошептала она мне в голову.

Я увидел огромное, древнее дерево, похожее на дуб, но покрытое не корой, а толстым, бархатным слоем мха цвета индиго и кружевами серебристых лишайников. У самого его корня чернело большое, абсолютно темное дупло. Оно выглядело как провал в никуда.

И из этой тьмы на нас смотрели два глаза.

Они были огромными, размером с мою голову каждый. Светясь ровным, немигающим, фосфоресцирующим желтым светом, они не выражали ни гнева, ни любопытства — только всевидящее, древнее, неподвижное наблюдение.

Пип спряталась, выглядывая из-за моего плеча.

Я стоял. Глаза смотрели. Тишина.

— Я пришел нарисовать тебя, Старина Ух, — спокойно сказал я в темноту дупла.

Глаза на мгновение погасли, а потом вспыхнули снова, чуть ярче.

Из дупла донесся звук. Это был не рев и не ворчание. Это был сухой, шелестящий, похожий на то, как переворачивают страницы тысячелетней книги.

А затем — голос. Он не звучал в голове, как у пикси, и не грохотал, как у лешего. Он просто... появился в воздухе вокруг нас, сухой и древний, как пыль.

— Рисовать? — прошелестел голос. — Меня? Зачем? Я не корень. И не водопад. Я просто смотрю.

Он все это время знал, что я делаю? Он следил за мной? Я ведь не чувствовал потустороннего присутствия. Это нужно будет обдумать, но после. Если я не чувствовал угрозы, значит, он ее либо скрывал (что вряд ли), либо ее не было.

— Просто смотришь, а я просто нарисую, — ответил я, доставая мольберт и кисти.

Пип испуганно пискнула, когда Старина Ух отреагировал. Желтые глаза в дупле сузились.

— Я не люблю когда берут мою тень. — прошелестел голос, и в нем появились холодные нотки. Воздух в роще стал ощутимо холоднее. Сонный мох у моих ног начал покрываться инеем.

Одновременно с холодом на меня накатила тяжелая, вязкая волна сонливости. На секунду мир поплыл, но рефлексy, вбитые садистскими уроками Элеоноры по ментальному сопротивлению, сработали на автомате. Я выстроил защитный барьер быстрее, чем успел зевнуть.

— Тихо, тихо, не нагоняй холоду, — я поднял кисть, словно ничего не произошло. — Я отдам. Как только нарисую — картина твоя!

Я взял самую темную краску, почти черную, и покрыл холст тьмой дупла. А затем, двумя точными, сияющими мазками чистейшего желтого, нарисовал глаза. Мда, пока что получалось скудно, нужно было что-то придумать. И я начал импровизировать. Теперь это было не просто дупло с глазами. У него появились огромные темные крылья, накрывающие весь лес, и он как бы издалека за всеми наблюдал.

Я убрал мольберт и протянул холст в сторону дупла.

— Хм-м-м, — прошелестел Старина Ух.

Тишина. Глаза в дупле смотрели на свое отражение на холсте.

— Ты нарисовал не меня. Ты нарисовал мой взгляд. — прошелестел голос.

Из темноты дупла высунулось нечто, похожее на когтистую совиную лапу. Очень длинную, я бы сказал, лапу! Метров пять так точно!

Она очень осторожно, почти деликатно, забрала у меня холст и утащила его во тьму.

— Хороший взгляд, — сухо прошелестел Ух из мрака. — Ты отдал мне его. В уплату я возьму твой сон. Я буду охранять его, Салкрит, пахнувший звездами. Можешь спать в моей Роще. Я не спою тебе песню.

Огромные желтые глаза медленно моргнули и растворились во тьме дупла. Старина Ух исчез, оставив после себя лишь пронизывающий холод.

Да я как бы уже спал. Стоп. Я что, мог не проснуться?!

Глава 6

Пип, дрожавшая у меня за спиной, вылетела вперед. Ее сияние все еще было бледным от пережитого страха.

— «Ух ты...» — прошептала она. — «Он с тобой говорил! И он взял картину! И он разрешил тебе спать! Салкрит, ты только что подружился со Стариной Ухом! Никто не дружит со Стариной Ухом! Все его боятся!»

— Зачем его бояться? Его нужно уважать, он же ваш защитник!

Мои слова, сказанные так просто и буднично, заставили Пип замереть. Она перестала мельтешить и просто зависла в воздухе перед моим лицом, мягко пульсируя фиолетовым сиянием.

— «Защитник?» — ее голосок прозвучал удивленно и очень тихо. — «Мы... мы никогда так не думали...» — прошептала она. — «Всегда, сколько я себя помню... Королева говорила: "Не ходите в Роцу. Не будите Старину Уха". Мы думали, он... ну... просто сердитый, как Мохобрюх, только тихий. И страшный. Потому что он может заставить тебя уснуть...»

— «Но "защитник"...» — она попробовала это слово на вкус. — «Он правда никого не трогает, если его не трогать. Он просто сидит. И смотрит. Он смотрит, как Лес растет. Он смотрит, как мы спим. Он...»

В ее голосе прозвучало внезапное озарение.

— «...он сторожит наш сон! Он сторожит Роцу, чтобы никто не пришел и не разбудил всех! Он защищает покой!»

Ее сияние вспыхнуло ярким, чистым белым светом — цветом восхищения.

— «Салкрит, как ты узнал? Ты же только пришел! Ты такой мудрый!»

— «Ты самый мудрый Конфетный Король на свете! Ты не только даешь пирожные, ты еще и понимаешь! Ой, я должна рассказать Королеве! Она так удивится!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.